

Н. С.
ЛЕСКОВ

Избранное

Николай Лесков

Письма Н. Лескова (сборник)

«Public Domain»

Лесков Н. С.

Письма Н. Лескова (сборник) / Н. С. Лесков — «Public Domain»,

Содержание

Письма 1859 года	6
Ф. В. Чижову	6
Письма 1863 года	7
М. М. Достоевскому	7
А. А. Краевскому	8
Письма 1864 года	9
Н. Н. Страхову	9
Письма 1865 года	10
Ф. М. Достоевскому	10
Н. Н. Страхову	11
Н. Н. Страхову	12
Ф. М. Достоевскому	13
Письма 1866 года	14
С. С. Дудышкину	14
С. С. Дудышкину	15
А. А. Краевскому	16
Письма 1867 года	17
Е. П. Ковалевскому	17
Е. П. Ковалевскому	21
Письма 1868 года	22
Н. Н. Страхову	22
М. А. Маркович	23
Н. А. Любимову	24
М. А. Маркович	25
А. А. Фету	26
Письма 1869 года	27
А. П. Милюкову	27
П. К. Щебальскому	28
Н. А. Любимову	29
Письма 1870 года	30
А. С. Суворину	30
Н. А. Любимову	32
С. А. Юрьеву	33
С. А. Юрьеву	34
П. К. Щебальскому	36
Письма 1871 года	38
С. А. Юрьеву	38
П. К. Щебальскому	39
П. К. Щебальскому	40
П. К. Щебальскому	41
Г. Бенни	42
А. С. Суворину	43
П. К. Щебальскому	44
А. С. Суворину	45
С. А. Юрьеву	46
А. Ф. Писемскому	47

С. А. Юрьеву	48
П. К. Щебальскому	49
П. К. Щебальскому	52
П. К. Щебальскому	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Письма Н. Лескова (Сборник)

Письма 1859 года

Ф. В. Чижев

10 декабря 1859 г., с. Райское.

Милостивый государь
Федор Васильевич!

Многих людей с небольшими капиталами весьма интересует судьба предпринятого освещения переносным газом в Москве. Я знаю, что Вы принимали, вероятно, как редактор местного промышленного органа, участие в представлении этого дела на видимость публики, и потому считаю извинительным обратиться к Вам с просьбою известить меня, составлено ли уже это общество или нет, сколько паев еще остается свободными и какие для этого общества предполагаются организация, администрация и контроль?

Может быть, вопрос мой слишком смешон в настоящее время, но я прошу Вас извинить его, потому что Вашего журнала я, к крайнему сожалению, не встречаю в здешних местах, а другие периодические издания, кроме «Русской газеты», очень мало уделили места этому делу.

Кстати, о Вашем журнале. Здесь его почти нельзя встретить, а по духу здешнего общества, я думаю, он мог бы иметь здесь большое число подписчиков, что отчасти доказывается количеством получаемого здешнею почтовою конторою «Экономического указателя» Ивана Васильевича Вернадского. Имея некоторое значение в нашем промышленном кругу, я надеюсь в некоторой же степени содействовать распространению Вашего журнала в Пензенской и Саратовской губерниях и потому прошу Вас сообщить мне программу этого издания и несколько прошлых годовых №№, хотя, например, тех, где помещено дело о переносном газовом освещении, которое интересует здешнюю публику. Сочувствие мое к «Промышленному указателю» основывается на убеждении в настоятельной надобности такого журнала, когда мелкие капиталисты не знают, за что взяться, и пускаются в операции самые нелепые и когда предстоящее получение ходовых кредитных бумаг нашими помещиками за выделяемую крестьянам землю обещает увеличить семью вопрошателей: что делать с собою и своим капиталом?

При этом позвольте напомнить Вам, что мы с Вами немного знакомы по встречам у С. Пет. Альферьева и покойного Игнатия Фед. Якубовского, с которыми я жил вместе в Киеве, и что это дает мне право, не ради одной формы, выразить Вам совершенное мое почтение.

Ваш покорный слуга

Николай Лесков.

Адрес мой: Николаю Семеновичу Лескову.
В гор. Пензу. Удержать до востребования.

Письма 1863 года

М. М. Достоевскому

29 апреля 1863 г., Петербург.

Милостивый государь
Михаил Михайлович!

Не смея сомневаться в Вашем внимании к данному слову, я полагаю, что Вы, вероятно, утратили мой адрес и сожалеете, что я до сих пор не получил от Вас ответа. — Я живу в доме Максимовича, на Нев<ском> пр<оспекте,> кварт<ира> № 89, и ожидаю или возвращения мне рукописи, или уведомления, что она принята.

С должным уважением имею честь оставаться

Н. Лесков.

А. А. Краевскому

22 мая 1863 г., Петербург.

Милостивый государь
Андрей Александрович!

12-й день, как вышла книжка «Отечественных» записок», в которой напечатан мой рассказ «Овцебык». В течение этих 12 дней я был четыре раза у г. Кожанчикова и видел там очень невежливого господина Свириденко. Невежа Свириденко не дает мне ответа, почему Вы до сих пор не платите денег нуждающимся в них сотрудникам, и денег мне не дает. К Вам я идти не хочу, потому что Вы имеете очень неприятную манеру держать по полчаса в Вашей зале, которая для меня не представляет никакого интереса, и я более люблю залы министра Головнина, где ожидают не более 5 минут и в том выслушивают извинения. Я пошел к Дудышкину, как к человеку, в котором скорее, чем в Вас можно дощупаться до мягких сторон (я не говорю — *до мягких частей*). Дудышкина нет в городе, а то он, вероятно, избавил бы меня от неприятной необходимости писать к Вам.

Пришлите мне, Андрей Александрович, деньги сегодня или завтра, то есть в четверг, по нижеписанному адресу. Я ни к Вам, ни к Кожанчикову не пойду — это мне *претит*. Но если Вы мне не пришлете счета и денег, то я Вам не забуду завтра сообщить, как я разделяюсь с теми, которые меня донимают до зла горя.

Мы ведь с Вами встречаемся в различных местах, с Невского до Географического общества. Я Вас завтра заставлю провести пренеприятную минуту в Вашей почтенной жизни. Мне ведь терять меньше Вашего, а я потружусь для других.

Я через Вас не исполнил моего слова перед бедным человеком, но уж на Вас зато сдержу мое слово.

24 часа перед Вами.

Николай Лесков.

Владимирская, № 3—23

Мая 22, 1863 г., среда, С.-П-бург.

Письма 1864 года

Н. Н. Страхову

7 декабря 1864 г., Киев.

Милостивый государь
Николай Николаевич!

Д. В. Аверкиев и покойный А. А. Григорьев как-то говаривали мне, чтобы я дал редакции «Эпохи» какую-нибудь свою беллетристическую работу. Имея нынче готовый очерк «Леди Макбет нашего уезда», я посылаю его особой посылкой в редакцию, но на Ваше же имя, и прошу Вас о внимании к этой небольшой работке. «Леди Макбет нашего уезда» составляет 1-й № серии очерков исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частью волжской) местности. Всех таких очерков я предполагаю написать двенадцать, каждый в объеме от одного до двух листов, восемь из народного и купеческого быта и четыре из дворянского. За «Леди Макбет» (купеческого) идет «Грациэлла» (дворянка), потом «Майорша Поливодова» (старосветская помещица), потом «Февронья Роховна» (крестьянская раскольница) и «Бабушка Блошка» (повитуха). Далее пересчитывать не буду, тем более что они еще не отделаны; но те, которые я назвал Вам, могут идти друг за другом, по одному в месяц, и должны, по моему расчету, все выйти к следующей зиме особым изданием. В «Библиотеку» я этих очерков не продаю, потому что там, вероятно, пойдет другая, большая моя работа, которую я кончаю и надеюсь привезти с собою; а из двух других петербургских редакций, с которыми могу иметь дело, предпочитаю Вашу. Следовательно, если бы Федор Михайлович, прочтя посылаемую на Ваше имя «Леди Макбет», нашел ее удобною для своего издания, то печатайте ее и считайте все остальные очерки, назначаемые в эту серию, принадлежащими *преимущественно* «Эпохе» (конечно, по ее выбору). Условия мои таковы: за лист мне дайте 65 рублей (как я получал) и каждого очерка по сто сброшюрованных оттисков.

Если работа моя понравится и условия для «Эпохи» удобны, то потрудитесь известить меня об этом, адресуя: «Никол. Семен. Лескову, в Киев, в университет св. Владимира». Если же очерк окажется неудобным к помещению, то потрудитесь возвратить его Николаю Николаевичу Воскобойникову.

Беспокоя Вас моею просьбою, я рассчитываю на Вашу известную снисходительность и прошу Вас принять уверения в моем совершенном почтении.

Николай Лесков.

Письма 1865 года

Ф. М. Достоевскому

<Январь 1865 г., Петербург.>

А. С. Ушаков просил меня взять у Вас начало какой-то его повести, конец которой находится в «Библиотеке» для чтения», и еще передать Вам, что он хлопочет по какому-то Вашему поручению и будет скоро Вам писать.

Потом, Федор Михайлович, я очень нуждаюсь в деньгах и очень нуждаюсь получить мой гонорарий по работе, помещенной в первой книге «Эпохи», Сделайте милость, не откажите мне в этом, равно как и в оттисках, которых я не могу никак выпросить.

С должным уважением имею честь быть покорнейшим слугою

Н. Лесков.

Н. Н. Страхову

6 марта 1865 г., Петербург.

Милостивый государь
Николай Николаевич!

Если Федор Михайлович передал Вам следующий мне гонорарий, то потрудитесь уведомить меня, когда я могу явиться к Вам, не отвлекая Вас напрасно от дела; а если эти деньги и оттиски очерка Вам еще не доставлены, то не оставьте меня своим вниманием и похлопочите обо мне, ибо «в дороге я весьма поиздержался».

У меня есть повесть, почти роман, вовсе не тенденциозный и совсем отделанный отчетливо, – называется «Всяк своему нраву работает». Не найдете ли удобным поговорить о нем? «Библиотека» мне много должна, и я не прочь бы продать повесть «Эпохе» или «Отечественным» запискам».

Усердно прошу Вас почтить меня коротеньким ответом и принять уверение в моем глубочайшем почтении.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Н. Н. Страхову

<Март – апрель 1865 г., Петербург.>

Милостивый государь

Николай Николаевич!

До последней степени затруднительное мое положение обрывает мое до последней степени продолжительное терпение, и я усердно прошу Вас, Николай Николаевич, вступить в мое спасение. Если уж нет возможности дать мне 150 р. деньгами, пусть хоть дадут вексель, под который я могу найти отсрочку у своих кредиторов, которые приступают ко мне вовсе не так, как я к «Эпохе», и которым я не умею отвечать так, как Ф<едор> М<ихайлович> отвечает мне.

Будьте добры, Николай Николаевич! – Вы сами человек рабочий и можете войти в мое положение. – Вот перед Вами Бенни, который может рассказать, как *ко мне приступают*.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Ф. М. Достоевскому

**3 июля <1865 г.>, с. Подберезье
Новгородской губернии.**

Милостивый государь

Федор Михайлович!

Я буду в Петербурге около 15 июля и позволяю себе припомнить Вам, что к этому времени Вы изволили обещать покончить счет.

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

Письма 1866 года

С. С. Дудышкину

10 сентября 1866 г., Петербург.

Милостивый государь
Степан Семенович!

Известие о постановке нынешнею зимою на московской сцене Корнеля и Расина заставило меня сделать приписку по выноске из 3-й гранки. Степанов, вероятно, полезет с этим к Андрею Алекс<андровичу>, «чего терпеть я не люблю», и посылаю эту приписку со всею корректурою Вам, прося Вас сделать Вашу редакторскую помету и возвратить мне точно так же через почту; а я ее отнесу в типографию.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

С. С. Дудышкину

13 сентября 1866 г., Петербург.

Многоуважаемый Степан Семенович!

Я еще третьего дня, разговаривая с Ефимом Федоровичем, выражал сомнение, возможны ли в «Отечественных зап<исках>» сколько-нибудь горячие статьи о театре, и оба мы, соображая положение Краевского и его характер, находил, что такие статьи у него невозможны. Конечно, надо это бросить, то есть эту напечатать, как возможно, а далее не писать.

Другую просьбу к Вам имею: как и что решили Вы с моей большою статьею о «Вопросах молодого поколения»? Навсегда ли она признана негодной, или для нее настанет время, и мне о ней не нужно беспокоиться? Беспокойство же мое Вы не осудите, если примете в соображение, что статья эта стоила мне полутора месяца самого пристального труда. Ради бога, не подумайте, что я на что-нибудь жалуясь этими словами, а примите их, как они сказаны: просто за желание разъяснить дело, имеющее для меня весьма осязательный интерес. Я давно ждал, что Вы мне что-нибудь скажете о ней, и сам не напоминал Вам, а теперь, кажется, такое время, что она могла бы выйти (конечно, с изменениями), и я прошу Вас сказать мне слово о судьбе, которую Вы ей предназначали.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А. А. Краевскому

<Сентябрь – октябрь 1866 г.>

Вторник, вечером.

Милостивый государь

Андрей Александрович.

Я исправил и по мере возможности дополнил театральную статью, имея в виду Ваши соображения, переданные мне Ефимом Федоровичем. Просмотрите и прикажите еще раз принести ко мне. Я сомневаюсь, верно ли будут набраны все мои поправки. Не печатать ли повесть более 3-х листов? Она очень трудно делится.

Будьте так снисходительны, прикажите мне дать один оттиск повести по мере ее выхода. Это «не про господ, а про свой расход».

С должным уважением имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Н. Лесков.

Усердно прошу Вас (и сам на это осмеливаюсь) в объявлении при следующей книжке не печатать «большое бел<летристическое> произведение», а объявить прямо, как мы с Еф. Фед. решили: «*Романическая хроника*»– «*Чающие движения воды*», ибо это будет хроника, а не роман. Так она была задумана, и так она и растет по милости божией. Вещь у нас мало привычная, но зато поучимся. Степан Семенович знал это, и Вы об этом можете спросить Зарина.

Письма 1867 года

Е. П. Ковалевскому

20 мая 1867 г., Петербург

Ваше превосходительство

Егор Петрович!

Этим письмом я обращаюсь в Литературный фонд с просьбою, для рассуждения о которой гг. членам фонда нужно иметь более или менее подробные сведения; а потому я начну с изложения их и прошу Вас выслушать меня. Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, известен в русской литературе под взятым мною псевдонимом «М. Стебницкий». Существуя исключительно одними трудами литературными. Начал я мои работы назад тому шесть лет в закрытых ныне «Экономическом указателе» и «Экономисте» профессора Вернадского, где напечатан ряд моих экономических статей. Затем я писал критические и экономические статьи в «Отечественных записках». Статьи эти частью подписаны моим полным именем «Н. Лесков», частью же буквами «Н. Л.», и, наконец, есть статьи так называемые редакционные, вовсе не подписанные. Год целый работал я в газете «Русская речь» Евгении Тур; писал в «Современной летописи» Каткова; потом два года кряду, во время так называемого нигилизма, писал передовые статьи в «Северной пчеле» у г. Усова. Год провел в Париже корреспондентом этой газеты. Потом, оставив публицистику, взялся за беллетристические работы, под псевдонимом «М. Стебницкий». В беллетристическом роде мною написано несколько мелких рассказов по разным изданиям; а также более крупные очерки «Овцебык» (напечатан в «Отечественных записках»), «Леди Макбет Мценского уезда» («Эпоха»), «Русское общество в Париже» («Библиотека для чтения»), «Язвительный» («Якорь»), «История одного убогого мешательства» и «Воительница» («Отечественные записки»), народная повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения»), роман «Некуда» («Библиотека для чтения») и два отдельные издания, роман «Обойденные» («Отечественные записки») и отдельное издание), повесть «Островитяне» («Отечественные записки») и отдельное издание). Наконец, в марте этого года я начал печатать в «Отечественных же записках» романическую хронику «Чающие движения воды». Продолжение этого романа встретило препятствия, которых я не имею оснований скрывать от Литературного фонда, ибо с этим делом связана самая моя просьба.

Хроника «Чающие движения воды» мной была запродана в «Отечественные записки» в июле месяце прошлого, 1866 года, когда у меня была готова только одна первая часть. Продана она была покойному редактору «Отечественных записок» Степану Семеновичу Дудышкину по восьмидесяти рублей серебром за печатный лист. Словесными условиями между нами было положено, что редакция «Отечественных записок», пока я кончу роман, будет давать мне до нового года по 125 руб. в месяц, с тем что забранные мною деньги будут потом удержаны из моего гонорария. С. С. Дудышкин, как вам известно, в августе месяце прошлого года скончался. Внезапная кончина этого человека поставила меня в самые крайние затруднения, ибо я ничем никогда не договаривался с г. Краевским. В это время редактор «Всемирного труда» доктор Хан обратился ко мне с просьбою о сотрудничестве в открываемом тогда им журнале. Я благодарил доктора Хана за его внимание и отвечал ему, что моя работа и мое время принадлежат уже другому изданию. Затем мы с г. Краевским не умели поразуметься. Доктор Хан, известясь об этом по литературным слухам, прислал ко мне товарища моего Всеволода Крестовского и литератора Н. И. Соловьева с предложением внести

за меня г. Краевскому весь мой долг и заплатить мне за роман «Чающие движения воды» по 150 руб. за лист. Не соблазняясь ни на минуту выгодным для меня предложением, я не дал своего согласия доктору Хану, а написал об этом г. Краевскому, предоставляя это дело его великодушью. Г-н Краевский, сообразив сделанное мне предложение доктором Ханом, известил меня через товарища моего литератора Е. Ф. Зарина, что он предлагает мне за роман по сто рублей за лист. Как это ни было невыгодно для меня потерять по 50 р. на сорокалистном романе, но я отклонил предложение доктора Хана и продолжал роман для г. Краевского. В декабре 1866 года мы положили начать мой роман не с генваря, а с марта, так как я его еще не совсем окончил, а в руках редакции был роман г-жи Вельтман. В марте начали печатать мою хронику. Первые два куса первой части прошли благополучно. В третьем отрывке вдруг оказались сокращения, весьма невыгодные для достоинства романа. Мне, как и всем другим ближайшим сотрудникам журнала, было известно, кто сделал эти сокращения: их, келейным образом, производит в «Отечественных записках» один цензор и одно лицо Главного управления по делам печати. Этих чиновников г. Краевский уполномочил и просил воздерживать неофициальным образом его бесцензурный журнал от опасных, по его мнению, увлечений его сотрудников, и оба эти чиновника г. Краевскому не отказали в его просьбе. Все предназначенное к печатанию в «Отечественных записках» посылается по заведенному ныне в этой редакции порядку на их предварительный дружеский просмотр, и они в две руки делают произвольные и самые бесцеремонные сокращения, точно так же, как это бывало в доброе старое время при предварительной цензуре. В числе этих сокращений бывают такие, которые, не могут не приводить в ужас благонамеренного русского человека: таковы, например, известные нам, сотрудникам, сокращения замечательных статей о Прибалтийском крае. Это поистине сокращения такого обидного свойства, что никто бы не поверил, что их сделал русский человек; их мог сделать только заклятый враг русских интересов в Остзейском крае, барон-сепаратист или его форвальтер. Но, однако, их делали не остзейские бароны.

Упоминаю о сокращениях, которые претерпела названная мною статья, не без цели. Они показали мне, что может случиться со всякой печатной вещью, которые прежде своего появления в нынешних «Отечественных записках» должны пройти через незримую, бесконтрольную предварительную цензуру упрощенных г. Краевским цензоров. Я сообщил г. Краевскому, что роман «Чающие движения воды» есть роман, задуманный по такому щекотливому плану, что с исполнением его нужно обходиться очень осторожно; что я имею в виду выставить нынешние типы и нынешние положения людей, «чающих движения» легального, мирного, тихого; но не желаю быть, не могу быть и не буду апологетом тех лиц и тех принципов и направлений, интересы которых дороги и милы секретным цензорам бесцензурного издания г. Краевского. Я написал ему (и мои товарищи и литературные друзья знают это), что я не могу стерпеть никаких произвольных сокращений в этом романе и что если сокращения действительно окажутся необходимыми, то я прошу сделать их не иначе, как только с моего согласия, с предоставлением мне возможности по крайней мере залатывать ямы, открываемые негласными цензорами. При этом я добавил твердо и решительно, что если такое мое законное требование не будет удовлетворено, — то вынужден буду прекратить продолжение романа. Г-н Краевский говорил об этом моем требовании литератору Зарину и другим, а характер моих предыдущих отношений к этому редактору не оставлял ему никакого права думать, что я не сдержу данного мною слова. Но, несмотря на все это, в первой же следующей книжке (2-й апрельской), когда эта книжка уже была отпечатана, сброшюрована и послана к одному из негласных цензоров, удерживающих бесцензурный журнал г. Краевского от увлечений, мой роман подвергся еще большим помяткам. В силу этих помяток одно из лиц романа (протоиерей Савелий, в особе которого, по моему плану, должна была высказаться «чающая движения» партия честного духовенства) вышло изуродованным. Об этих сокращениях мне не дали знать, как я просил. Напротив, их от меня скрыли и начали перепечатывать и подвешивать

книжку. Узнав об этом случайно, я простер мою просьбу о том, чтобы роман с сделанными сокращениями не печатали, а позволили бы мне объясниться с цензуровавшим его негласным цензором, которого я надеялся разубедить в его опасениях за мое легкомыслие и вольнодумство. Не знаю и не ручаюсь, удалось ли бы мне достичь этого, но я надеялся, ибо и опытность и здравый смысл ручались, что вымаранные места совершенно позволительны. Но мне измаранной книжки не дали и объявили, что сокращения будут сделаны, ибо уже таков в «Отечествен<ных> записках» порядок, и номер выйдет. Мне оставалось одно средство защищаться – заявить в какой-нибудь газете, что роман выходит не в том виде, в каком он сделан для печати, и что он вдобавок выходит в свет почти насильно, против моего желания. Я не хотел сделать такого литературного скандала г. Краевскому, ибо, вследствие некоторых особенностей нрава и обычаев этого почтенного редактора, такие скандалы для него уже не редкость; а для публики они только открывают язвы нашей и без того много раз компрометированной литературной семьи. Я ограничился одним исполнением моего обещания г. Краевскому, то есть не дал более присланному им человеку оригинала, и рукопись романа остается у меня, пока я оправлюсь, обдумаюсь и найдусь, что мне можно с ней сделать, после начала романа в «Отеч<ественных> записках».

Возвращаюсь теперь назад к моей литературной деятельности.

По массе произведенных мною литературных работ, об объеме которых Литературному фонду нетрудно будет собрать сведения, Ваше превосходительство и члены Фонда, вероятно, изволите прийти к заключению, что я не гулял, а трудился, и трудился прилежно. Получал я гонорарий довольно хороший и, следовательно, мог бы перенести нынешнюю беду мою. Но на мою долю, по несчастью, выпали самые странные и несчастливые случайности. Газета «Северная пчела» недодала мне 800 руб., мною заработанных; журнал «Эпоха», удовлетворив почти всех своих сотрудников, остался мне должен 150 р., «Библиотека для чтения» закрылась, оставшись

мне должною 4950 рублей, и все это раз за разом, одно за другим. Долг на «Северной пчеле» я считаю безнадежным и не ищу его на г. Усове, в добросовестность которого глубоко верю, г. Достоевский и г. Боборыкин мне выдали векселя, срок которым давно минул. Векселя своего на г. Достоевского я не представляю, потому что литератор этот нынче, как говорят, сам в затруднительных обстоятельствах; а долг свой с г. Боборыкина я получу только осенью этого года, когда имение его по претензии гг. Печаткиных будет продано с аукционного торга. До тех же пор, пока последует это несомненное, но отдаленное получение, мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды, в которую меня поставил г. Краевский; мне нечем заплатить полутора ста руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе Криницкой, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому, – что меня стесняет до последней степени.

Утомленный тяжкою работою по сочинению ныне погибшего романа, я тотчас же по его прекращении не дал себе ни минуты отдыха и сел за окончание два года назад начатой драмы «Расточитель». Три акта этой пьесы готовы, – два остальные я надеюсь дописать к будущему сезону; в покупке на нее в журнал не сомневаюсь, в допущении на сцену тоже; но угрожающая привычка питаться, от которой до сих пор меня не отучила жизнь русского литератора, заставляет меня, отложив листы сочиняемой драмы, писать на этом листе к Вашему превосходительству это письмо с просьбою помочь мне. Я прошу Литературный фонд обеспечить мне пять месяцев жизни, ссудив меня пятьюстами руб. серебром, которые обязываюсь заплатить к новому году с десятью процентами в пользу сумм Фонда. Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства – моя драма и получение долга с боборыкинского имения, назначенного в продажу; средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу.

Ваше превосходительство будете бесконечно милостивы, если предложите мою просьбу членам Фонда в одном из ближайших заседаний и изволите распорядиться почтить меня уведомлением о резолюции, какой она удостоится.

С высоким уважением к Вам имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Николай Лесков
(М. Стебницкий).

Е. П. Ковалевскому

26 мая 1867 г., Петербург.

Ваше превосходительство

Егор Петрович!

П. В. Анненков известил меня, что просьба моя о заимообразной ссуде из Литературного фонда удовлетворена не будет; но что комитет поручил г. Гаевскому посетить меня и осведомиться о моем положении, дабы потом подать мне некоторое безвозвратное вспоможение.

Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отзывалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает. Прошу Ваше превосходительство передать г. Гаевскому мою просьбу, чтобы он не утруждал себя посещением, которого я не приму; а просьбу мою о ссуде считать не требующею никаких последствий.

Я уверен, что Вы не изволите встретить препятствий к тому, чтобы о ходатайстве моем в отчетах Фонда не упоминалось даже намеком, и прошу Вас принять засвидетельствование моего отличного к вам почтения.

Н. Лесков

(М. Стебницкий).

Письма 1868 года

Н. Н. Страхову

4 апреля 1868 г., Петербург.

Уважаемый Николай Николаевич!

Я слышал, что Вы работаете в «Журнале министерст<ва> нар<одного> просв<ещени-
я>» – мне же совсем негде работать; а пока что путное напишется, нужно выполнять все три
ненавистные привычки, то есть «буар, манже и сортир». – Если бы можно было, не похлопо-
чете ли, ради сохранения меня от голода, присовокупить мне какую-нибудь работку?

Обращаюсь к Вам так бесправно и бесцеремонно, потому что знаю, что Вы не исключаете
уместности пособлять собрату подобною услугою. Ведь просто приткнуться некуда тому, кто
написал «Некуда».

Отпишите мне, будьте ласковы, чту Вы об этом думаете? Я знаю, что Вы сделаете для
меня, если пожелаете, и вопрос, стало быть, только в том: сможете ли что-нибудь сделать? –
А потому я и не обижусь Вашим отказом.

Почитающий Вас

Лесков.

М. А. Маркович

9 апреля 1868 г., Петербург.

Милостивая государыня
Мария Александровна!

Назад тому около четырех лет П. С. Усов, оставшись мне должным за мою работу около 800 руб. (которых я не получил и до сих пор), просил меня принять в часть уплаты его счет с Вами на 500 р., взятые Вами через Слепцова и Бенни под рассказ «Без рода и пл<еме-ни>» (которого Вы г. Усову не доставили до самого прекращения им «Сев<ерной> пчелы»). Я вынужден был принять этот счет и выясняющую его Вашу переписку с г. Усовым. В течение четырех лет я старался не беспокоить Вас напоминанием об оказании с Вашей стороны содействия к окончанию этого старого расчета; но теперь я весьма нуждаюсь в деньгах и имею обязательства, которые не ждут; а Вы, – сколько я могу судить по достойному успеху Вашего последнего произведения, – вероятно, найдете очень мало затруднений поквитать хранящуюся у меня Вашу расписку на имя г. Усова.

Прошу Вас, Мария Александровна, почтить меня уведомлением: как Вам угодно будет окончить это дело? Вы бесконечно обяжете меня, если ответите на этот вопрос с возможной скоростью.

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

Н. А. Любимову

25 мая 1868 г, Петербург.

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Петр Карлович известил меня, что он передал Вам на Ваш просмотр и заключение мою небольшую рукопись: «Шпион. Эпизод из истории комического времени на Руси». По духу письма Петра Карловича я смею заключить, что вещь эта едва ли удостоится одобрения в «Р<усском> вестнике» (что, конечно, будет мне очень и очень прискорбно, ибо я считаю ее и честной и далеко не безынтересной, а вдобавок ко всему не имею где ее и провести, если мне в этом Вами будет отказано).

Позвольте мне, прежде чем Вы произнесете Ваш отвергающий приговор, обратить Ваше внимание на то: 1) что все написанное в этой рукописи есть факты, за верность которых я отвечаю; 2) что Бенни жил со мною и доверялся мне более чем кому-либо; 3) что из всех деятелей комической революции *он самый честный* и самый популярный; 4) что бумаги его хранятся; 5) что о «предпринимателях» пишутся беспрестанно повести и рассказы и что «Живая душа» Марка Вовчка еще не последняя из таковых, и 6) что я согласен на всякие ваши редакторские сокращения, поправки и перемены (кроме фактических перемен).

Будьте снисходительны и взвесьте все это, прежде чем напишете свое «неудобно к напечатанию». Я бьюсь из того, чтобы нанести удар «предприятиям» и восстановить доброе имя оклеветанного человека.

Если Вы удостоите меня ответом, я приму его за величайшее с Вашей стороны одолжение.

С почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою

Н. Лесков.

М. А. Маркович

13 августа 1868 г., Петербург.

Милостивая государыня

Мария Александровна!

Благодарю Вас за ответ. Предвидя в этом деле спор, я себя устранию от него и Ваш ответ со всеми счетами и распискою возвращаю г. Усову.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

А. А. Фету

16 августа 1868 г., Петербург.

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич!

С 1869 года в С.-Петербурге будет издаваться журнал «Заря». Издавать и редактировать этот журнал будет Василий Владимирович Кашпирев (родственник покойного С. С. Дудышкина). Труды его по редакторству будут разделять: Н. Н. Страхов, В. П. Ключников и я (Стебницкий). Журналу будет принадлежать сотрудничество всех лиц, принимавших участие в старых «Отечественных» зап~~исках~~», дудышкинского времени.

Принимая близкое и живейшее участие в судьбах нового журнала и очень любя Ваши сельские письма, я имею честь просить Вас не отказать нам в Вашем сотрудничестве. Прошу Вас почтить меня Вашим уведомлением: можем ли мы на Вас рассчитывать и заготовить для нас к ноябрю месяцу первую Вашу корреспонденцию, в которой бы желалось по возможности видеть общий очерк состояния помещичьих и крестьянских хозяйств в настоящее время. Затем следующие пусть имеют характер текущих хроник.

Если же у Вас есть какие-либо готовые для печати поэтические Ваши произведения, то не откажите сообщить и их.

Прошу Вас принять уверение в общем почтении всех нас, желающих Вашего сотрудничества в «Заре».

Ваш покорный слуга

Ник. Лесков.

Письма 1869 года

А. П. Милюкову

4 января 1869 г., Петербург

Милостивый государь

Александр Петрович!

Некоею порою я знал в Петербурге некоего «неразгаданного человека» Артура Бенни. Он убит при Ментане, и его интереснейшая история, мною в свое время писанная, может быть оглашена. Это вещь пряная и забористая и, кажется, очень интересная. Шуму она может возбудить множество. Я ее хотел бы напечатать в газете, но с газетами петербургскими совсем не имею связей. Не хотите ли посмотреть эту вещь? Уведомьте меня, пожалуйста, да уж прибавьте и адрес, где Вас искать; а то я ночью был, да и позабыл. Мне же писать: «В городе, Николаю Семеновичу Лескову, Фурштатская, № 62».

Ваш покорнейший слуга

Н. Лесков.

П. К. Щебальскому

25 января 1869 г., Петербург.

Уважаемый Петр Карлович!

Я послал к Вам свой очерк в простом конверте, наклеив, впрочем, большое количество марок. Поступил я таким образом во избежание толкотни на почте, а теперь трушу: дошел до Вас этот конверт? Не откажите мне сказать: получили ли Вы моих «Карликов», и если можно, прибавьте: когда Н. А. Любимов думает их напечатать?

Посылаю Вам свою карточку и надеюсь, что и Вы мне тем же заплатите. «Люди сороковых годов» до сих пор еще не вызвали о себе никаких отзывов. Все подобное, вероятно, еще впереди, когда роман более выяснится. На «Зарю» также никаких нападков нет, ни в обществе, ни в прессе. Критический разбор «Войны и мира», по-моему, чрезвычайно длинен и водянист и вообще изъясняет гораздо менее, чем Ваша сжатая заметка (с которой я не согласен в отношении внешности издания). Вас побранивают за сочувственный отзыв к книгам Кельсиева, и побранивают, конечно, совершенно неосновательно. Я нашел Ваш отзыв и прочитал его с большим удовольствием. Кельсиев точно немножко рисуется, но от этого книги его все-таки не утрачивают интереса, а судьба его не теряет права на внимание. Патти слышать невозможно: кресла доходят до 80 р., а по 20 р. платят стоять в проходах. Раек весь абонирован, и «стойка» в оркестре закуплена. Я, однако, с помощью знакомых артистов пробираюсь за кулисы и слушаю в сообществе театральных плотников. Патти, по-моему, несравненно хуже Лукки. Лукка душа и человеческий голос, а Патти – это *инструмент*, – правда страшный, звучный и прекрасный, но совершенно бездушный. У нее в горле точно серебряные струны, а одухотворения звука – никакого. «Шампанское Патти» гораздо доступнее, чем сама она, и потому оно идет с чрезвычайным успехом. Носятся слухи, что сбежавший редактор Тиблен «был видим» в Нью-Йорке, где он намеревался издать какую-то книгу о России. Редакторам, позволявшим себе полемизировать с «Вестью», на днях сделано внушение, что «такой тон нетерпим». Я это знаю достоверно. Распеканию производил «наш общий друг», и редактора (не все, но двое) дали слово вперед с «Вестью» не схватываться. Замечательно, что «Новое время» таким покровительством не пользуется. Дожди и оттепель согнали весь снег, а теперь заморозило, и пути нет ни на санях, ни на колесах.

До свидания! Отпишите мне, пожалуйста, о «Карликах» и пришлите свою карточку.

Мирре Александровне и всему Вашему уважаемому семейству прошу передать мое глубочайшее почтение.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Н. А. Любимову

<Январь 1869 г., Петербург.>

Усердно Вас прошу, достоуважаемый Николай Алексеевич, черкнуть мне безотлагательно два слова: идут ли «Божедомы» в феврале? Если нет, то, бога ради, возвратите их мне, — иначе я в ужасном положении. Пожалуйста, напишите *скоро*. Я расстроен даже до болезни.

Н. Лесков.

Письма 1870 года

А. С. Суворину

5 апреля 1870 г., Петербург.

Милостивый государь
Алексей Сергеевич!

Так как Вы будете вести завтра по моей просьбе переговоры с г. Стасюлевичем о литературном суде, которого я прошу себе в защиту от тяжкой клеветы, то я нахожу нужным добавить Вам кое-что к тому, что было сказано мною.

1) Скорый отъезд Ваш не помешает быть судьей с моей стороны, потому что срок для суда можно назначить на святой неделе.

2) Если же противная сторона затянет дело, то вместо Вас я изберу Александра Петровича Милюкова.

3) Если противная сторона вовсе не пойдет на литературный суд по моему вызову через «Пет<ербургские> вед<омости>», то «Пет<ербургские> вед<омости>» в крайний срок вызова благоволят напечатать, что согласия на литературное разбирательство не последовало.

4) Когда таким образом суд сделается невозможным, то я прошу г. Стасюлевича и Вас в сообществе Ал<ександра> Петр<овича> Милюкова и графа Алексея Константиновича Толстого учинить следующее:

а) Удостоить меня просмотреть рукопись романа «Божедомы», дабы Вы могли убедиться, что роман этот не имеет 60 листов, а заключается листах в 30–32. Приблизительно это Вам нетрудно будет сделать.

в) Проверить на выбор на любой странице: играют ли в романе какую-нибудь роль «плодомасовские карлики» и может ли этот кусочек в 1 1/2 листа и по существу и по объему почитаться «*существенной частью*» романа, как лжесвидетельствовал на суде г. Ключников.

с) Прочсть бумаги, которые я представляю, и по содержанию их (они официальные) решить предосудительно ли было с точки зрения литературных нравов мое поведение по отношению к г. Кашпиреву и составляет ли оно во всей его совокупности нарушение обычаев, существующих в литературных кружках по сделкам между писателями и редакторами?

д) Обсудить на основании тех же бумаг: отвечают ли тяжкие притязания г. Кашпирева ко мне тем обычаям, которых держатся редакторы других изданий?

е) Так как у нас никаких «правил» для продажи литературных произведений в журналы в законах нет и суды в этих делах совершенно некомпетентны, то решить, *сколько видно по бумагам*, я ли нарушил договор и оскорбил литературный обычай, или это сделано противною стороною?

ф) Постановить, может ли все мое поведение в деле с этим романом (*насколько оно будет выяснено бумагами*) почитаться честным со стороны нравственной и неуклончивым со стороны обычая?

ж) Выдать мне в том, что Вы постановите (не выходя из вашего собрания), письменное удостоверение, которое дозволите мне напечатать в газетах и предъявить суду как свидетельство экспертов.

Это, как Вы сами, вероятно, согласитесь, мне весьма необходимо, и без всякой экспертизы перенос дела в другую Палату будет выстрелом в воздух. Отказать же мне в этом *единственном* способе оправдания в тягчайших оскорблениях обвинением в подмене рукописи и исторгнутии из романа «существенной части» – будет вопиюще жестокостью к человеку, и я

уверен, что Вы не напрасно похлопочете склонить Михаила Михайловича Стасюлевича быть моим судьей, или экспертом, для опровержения лжеца, нагло объявившего «существенною частью» романа анекдотик, не имеющий с романом *никакой связи* и даже подлежащий изъятию в расчетах конкретности главной нити повести.

Простите, что я пишу кое-как и не переписываю. Извините моему раздраженному состоянию, с которым я не могу совладать.

Ваш слуга

Никол. Лесков.

P. S. Ответа буду ждать, считая минуты.

Не знакомы ли Вы с г. Скабичевским, и нельзя ли попросить и его, или это лишнее? Пожалуйста, подумайте за меня сами лучше. Может быть, не пригласить ли тогда г. Страхова?

Н. А. Любимову

18 ноября 1870 г., Петербург.

Милостивый государь

Николай Алексеевич!

Позавчера я прочел в печати начало своего романа и два дня нахожусь под невыносимейшим для меня впечатлением. Не могу скрыть от Вас (и единственно от Вас), что я никак не ожидал и не мог ожидать выхода своей работы в таком оконфуженном виде. Иначе я, конечно, ни за что и ни при каких обстоятельствах не согласился бы на столь жестокое с нею обхождение. То, что с нею сделано, для меня во все мое литераторство, слава богу, еще новость, но, к сожалению, новость столь безотрадная, что я не знаю: чем себя утешить и как поднять к работе мои упавшие руки? Убийственнее всего на меня действует то, что я не могу взять себе в толк причин произведенных в моем романе совсем уже не редакторских урезок и вредных для него изменений. Так: выпущены речи, положенные мною в основу развития характеров и задач (например, заботы Форовой привести мужа к богу); жестоко нивелирована типичность языка, замененная словами банального свойства (например, вместо: «не столько мяса поешь, сколько зуб расплюешь» заменено словом «растеряешь»); ослаблена рисовка лиц (например, не позволено Висленеву чесать под коленом) и даже допущен nonsens¹ (разговор о законе, имевший смысл лишь после разговора о разводах – что выброшено совсем во вред). Без всякого неуместного «авторского самолюбия» не могу горестно не сетовать, зачем все это сделано и отчего мне не сказано, что с моею работою будут делать все это?.. Что теперь сотворить и как помочь этому великому для меня горю? Повторяю: у меня пали руки, я не знаю, чем поднять их к работе, – столь все это мне кажется жестоко и столь непривычно!

Крайне расстроенный и огорченный, я не нахожу даже слов, как уместнее выразить Вам мою просьбу помилосердствовать надо мною и не отнимать у меня средства окончить работу с уверенностью, что Вы не отвергаете во мне известной доли смысла и сознания для того, чтобы соображать материал моей постройки; но сделайте милость, не взыщите с меня за форму моего обращения к Вам и не отнимите у меня совсем руки от дела, дабы как-нибудь хотя одолеть поверье, что я при всем моем тяготении к уважаемой редакции «Р<усского> в<естника>» должен отказать себе в удовольствии служить ей моими, должно быть мало пригодными, силами.

С совершеннейшим к Вам почтением имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою

Н. Лесков.

¹ Нонсенс, бессмыслица (англ.).

С. А. Юрьеву

5 декабря 1870 г., Петербург.

Милостивый государь!

Вчера я имел удовольствие прочесть объявление об издании Вами «Беседы». Объявление это очень меня обрадовало: Вы обещаете журнал в духе, который найдет, конечно, сочувствие всех истинно русских людей. Не имея чести знать Вас лично (хотя и наслышан о Вас от А. Ф. Писемского и П. К. Щербальского), я спешу приветствовать Ваше предприятие и предлагаю Вам иметь в виду мою готовность служить Вашему изданию, если Вы того пожелаете. У меня есть оконченный роман, начинавшийся уже печатанием в «Отечественных» записках» и известный довольно многим по этому началу. Он называется «Божедомы». Герои его несколько необыкновенны, — они церковный причет идеального русского города. Сюжет романа, или, лучше сказать, «истории», есть борьба лучшего из этих героев с вредителями русского развития. Само собою разумеется, что ничего узкого, фанатического и рутинного здесь нет. Детали романа нравятся всем, и, между прочим, Мих. Ник. Каткову, но в общей идее он для некоторых взглядов требует изменений, которых, по-моему, он вовсе не требует. Задача и стремление этого сочинения выражены лучше всего словами Вашего заявления:

«Вселенская Христова истина, сохраненная во всей ее чистоте восточною православною церковью, была просветительницею русского народа с первых веков его истории: под влиянием ее сложились его духовный строй и существенные основы его быта. Мы, согласно истинному духу нашего вероисповедания, ожидаем от полноты братской любви и свободы — всей правды в русской жизни».

Вырезаю этот прекрасный текст и наклеиваю его.

Потрудитесь подумать: не соответствовало ли бы такое сочинение Вашим требованиям, и потрудитесь тоже написать мне пару слов в ответ на мое предложение.

Если Вам подобная работа нужна, то я захватил бы про всякий случай с собою рукопись «Божедомов», когда поеду в конце января к М. Н. Каткову, для свидания с ним по делам ныне печатаемого в «Русском вестнике» моего романа «На ножах». Я бы прочел Вам моих попов и очень бы рад был слышать им Вашу оценку.

С должным к Вам уважением и безмерным желанием успехов Вашему делу имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Николай Лесков (Стебницкий).

Прилагаю при этом мою карточку и адрес.

С. А. Юрьеву

18 декабря 1870 г., Петербург.

Милостивый государь.

Я вчера получил Ваше почтенное и необыкновенно приятное для меня письмо и сегодня же спешу отвечать Вам. Будьте милостивы, простите мне, что я пишу эти строки даже без условного форменного вступления. Не отнесите этого к чему бы то ни было, кроме желания отвечать Вам скоро, тогда как я не знаю Вашего имени и отчества и, по нездоровью моему, не могу видеть людей, у которых мог бы о них справиться. Надеюсь, что Вы меня простите и не осудите за это, тем более что источник моей нынешней поспешности есть именно то горячее сочувствие Вашему направлению, которое Вы не напрасно увидели в моих первых строках. Будем ли мы трудиться вместе или нет, я навсегда сохраню дорогой для меня Ваш отклик на мое письмо. Я действительно горячо сочувствую Вашему направлению; я верю в его святое и высокое значение; я чту достойнейших людей Вашей партии (чести которых, к досаде своей, не умаляют даже и предатели отчизны), и я всегда тяготел к Вашему стягу, но я вышел на литературную работу тогда, когда «Русская беседа» уже не существовала, а к газетной работе я мало способен. Весть о Вашем журнале – весть радостнейшая для меня, и я хочу и готов приложить все мои силы и все мое старание для того, чтобы по возможности содействовать успеху Вашего издания. Благодарю Вас, что Вы сами «зачли меня своим сотрудником» – я буду им со всеми моими способностями и любовью к нашему честному и святому влечению служить родине словом правды и истины. Благодарю Вас искренно, горячо, ото всего моего простого и нестерпимо болящего за родину сердца!

Что же бы Вы хотели и что бы я мог сделать для Вашего издания так, чтобы участие мое принесло Вам как можно большее подспорье?.. Позвольте оговорить об этом. Я, конечно, очень сжато выразился, говоря Вам в первом моем письме о романе «Божедомы». *Продолжать* его нельзя, и его надо напечатать *весьсполна*, то есть повторить прежде напечатанные 7 листов, дав их не в счет абонементу подписчиков, и потом продолжать. Само собою разумеется, что бывшие уже в печати 7 листов должны идти бесплатно, без всякого авторского гонорария, как и предполагалось сделать в «Русском вестнике». Таким образом, у Ваших читателей будет весь целый роман, или, как он у меня назван, «история лет временных», но прежде напечатанная доля этой истории пойдет Вашему изданию бесплатно, и Вы потратитесь лишь на излишние листы, если захотите дать это особым приложением (в чем, кажется, нет и необходимости потому, что Вы не связываете себя объемом книг). «Божедомы» готовы давно, но их все-таки нужно будет пересмотреть и кое-что поизменить, кое-что выкинуть, кое-что вставить. Я это сделаю, как немножечко пооблегчусь в работе с оканчиваемым мною романом для М. Н. Каткова, и тогда увидимся и переговорим. Если же угодно, то я пришлю Вам половину рукописи, но это только в том случае хорошо, если рукопись эта Вам нужна скорее, чем я могу быть в Москве (в феврале). Напишите мне, и я сделаю так, как Вам лучше.

Далее: пять лет тому назад по поводу толков «о призвании женщины» и кривотолков о русской женщине с верою и упованием, которые были осмеяны, мне пала в голову и в сердце неотвязная мысль изобразить в живом очерке: мешают ли эти злополучные вера и упования истинной свободе чувства и независимости женщины? В обдуманном плане я уложил целую эту идею в повесть, снабдив ее и кличкой по шерсти. Повесть эта должна быть названа: «Марфа и Мария». При этом библейском названии во главе повести идти и евангельский эпиграф: «Марфо, Марфо, печешися» и пр. Отсюда, я думаю, Вам уже понятно, чту будет сказано в этой повести? Она еще не писана, но весть о Вашем журнале и особенно радушное письмо Ваше говорят мне, что ей пора писаться и поспевать к Вам. Не откажитесь мне ответить: нравится ли

Вам мой замысел поделить наших современных соотечественниц на «Марф и Марий» и показать всю тщету их «марфунства» при несомненной ясности пути Марий? С получением Вашего ответа я немедленно начну повесть и надеюсь, что напишу ее скоро с любовью и с желанием дебютировать в Вашей «Беседе» с достойной вещью.

И еще далее: я и еще могу и желаю служить Вам. У меня есть «влечение, род недуга» считаться с общественным настроением и шарлатанством наших лицедеев, для чего так удобен род фельетонного писания, но, конечно, не такого, какой принят петербургскими газетами. В Москве этим вовсе пренебрегают, и совершенно напрасно. Припомните фельетонный пошиб Гейне и Герцена – какая это прекрасная форма и какая ловкая и удобная! Я не хвальнось, что я могу сделать это так же, как они, но я много раз пробовал, и, кажется, моя попытка была не без удачи, – таковы некогда «Русские обществ~~енные~~ заметки» в «Биржевых ведомостях», где я искал случая восстать против пошлой радости по случаю предостережения, данного Каткову; некоторые статьи бывшей «Северной пчелы» против Герцена и «Русское общество в Париже» в «Библиотеке для чтения» Боборыкина. Я люблю между большою работою ловить мимолетный случай жизни, получающий ложное освещение и толкование, с тем чтобы дать ему освещение подлежащее и толк по разуму и по совести. В «Современной летописи» М. Н. Каткова Вы на сих днях увидите такие мои очерки, озаглавленные общим заголовком: «Смех и горе», которые будут подписаны вымышленным именем «Меркул Праотцев». Не хотите ли иметь от меня раз в месяц письмо о петербургской общественной жизни? Конечно, это будут письма не о балах, новостях и скандалах (о чем я мало и знаю), но это будет летопись заблуждений, ошибок, неправд и грехов общественного неразумия и злобы по делам якобы текущего дня. Я просил бы себе для этого в журнале от листа до двух в месяц, а там увидим, как будем нравиться. О том же, что мы сойдемся *во всех воззрениях*, я считаю излишним и говорить. Благоволите ответить мне и на этот вопрос, и если ответите скоро, то я, может быть, еще успею прислать Вам письмо для первой Вашей книжки.

Теперь о Вашем издании: здесь его ждут и говорят о нем – конечно, каждый по-своему. Преобладающее мнение то, что Вас «нахлопнут». Дай боже, чтобы эта беда Вас минула. Надо больше змеиной мудрости, больше! Потом: литературщики трубят, что Вы одни, без людей. Надо бы вначале статей уважаемых людей вроде Ив. Серг. Аксакова, Юр. Самарина и других, которые с Вами заедино. Их статьи сразу окрасят издание и подсекут толки вредителей. Безмерно жаль, что Вы запоздали с Вашим объявлением, и дай бог, чтобы это было только с объявлением... Опыт «Вестника Европы» показывает, как много значит в нашем малоразборчивом обществе своевременность выхода книжек... Трудно поверить, до чего дорого ценит это провинция и особенно читатели захолустий! Пока он разберет, что ему прислали, он не нарадуется и не нахвастается, что ему уже прислали нечто.

Помогай Вам бог на все доброе и достойное Вас и Ваших благородных и благомыслящих родине друзей.

Ваш слуга

Николай Лесков.

Не откажите, пожалуйста, высылать мне экземпляр «Беседы», адресуя ее «в Петб., Ник. Семенов. Лескову, Фурштатская, № 62».

Не укажете ли мне в Петербурге лица, через которое я мог бы сноситься с редакцией, не вверяя рукописей легкой почтой, при чем легко возможны потери и проч.

П. К. Щебальскому

19 декабря 1870 г., Петербург.

Это прекрасно, достойнейший Петр Карлович, что Вас «учили писать письма». Я сам тоже очень рад, что обучен этому и беру еще уроки у Вас: говорю сначала о Ваших поручениях.

Письмо Ваше страдает неполностью, точно Любимов «приготовил его к печати». Я не вижу из него, получили ли Вы два мои письма, в которых я подробно описывал Вам причины незадачи с Вашими депешами и затруднение со статейкою. Мне будет очень жаль, если все это остается Вам неизвестным во всей курьезной полноте, несколько облегчающей меру вины Усова и Трубникова, которые затем уже могут быть названы только свиньями, и то с значительными преимуществами на долю последнего. Усов виноват менее, хотя ему, разумеется, пора бы знать своего премудрого принципала и надо бы знать, что образованные люди обыкновенно отвечают на письма, как отвечают на вопросы в разговоре. Но черт с ними, в самом деле!

Я сегодня ездил с Вашим счетом, отдал его кассиру и просил поверить (как это у них водится) и высчитать, сколько Вам следует за корреспонденцию, пошедшую передовую статью. Усова я сегодня не видал, а Трубникова предпочитаю не видеть вовсе. Деньги Ваши или обяжу послать Вам немедленно, или же вытребую и сам Вам отошлю, разумеется тоже немедленно. При этом, конечно, не лишу себя удовольствия и поговорить об их вежливости и любезности к заслуживающему уважения человеку. На ближайших днях отпишу Вам об этом подробно. Не знаю, что из этого выйдет, но не думаю, чтобы они «не дорожили» Вашим сотрудничеством. Нет, это просто дурь и совершенное равнодушие к настоящим достоинствам дела. Я Вам писал об отзывах Усова и еще раз сожалею, что это письмо пропало. Я буду в начале речей «мудр яко змий и незлобив яко голубь», а там увижу: пойдут ли они на поправку, или пора с ними совсем расплеваться. Может быть, еще и пойдет дело!

Теперь о своей рубашке. Я совершенно согласен с тем, что Вы говорите о печатании повести в «Летописи». Это действительно будет меледа, а не печатание, и для меня гораздо лучше видеть ее в «Русском вестнике», но только не по окончании романа, ибо в повестушке той много вещей, имеющих интерес временный, да и потом роман при их делении не может кончиться ранее пяти или шести месяцев. Надо печатать повесть или в журнале с псевдонимом «Меркул Праотцев», или же в «Летописи» с моею настоящею фамилиею, но во всяком случае немедленно, не ожидая окончания романа. К тому же, если и печатать ее в «Русском вестнике» тотчас за романом, то не все ли равно будет тянуться мое имя? Нет, бога ради скорее! Там ли, сям ли, но скорее, а то она уж и так выдыхается, да и мне позарез нужны деньги, а их мне дают с крайнею осторожностью. Устройте, пожалуйста, повесть, как сами заблагорассудите, но лишь бы она не лежала. Мне, конечно, лучше и приятнее видеть ее *со своим именем*, но и это предаю во власть Вашу. Об ней было столько переговоров, что я сам уже не нахожу удобным снова еще раз переговариваться, и все, что Вы с нею учините, приму то за благо и ни против чего спорить и прекословить не буду. (Я думаю, что ведь гонорарий одинаков что в «Летописи», что в журнале. Это тоже важно.) В повестушке в *начале*, кажется, надо бы кое-что сдвинуть, сконкретовать... Мне помнится, таково было и Ваше мнение, да и я то же думаю, но только прошу Вас не отказаться взять это дело на себя. Пожалуйста, возьмите ее к себе! Скромностью Н. А. Любимова Вы напрасно кичитесь (с его слов, разумеется). Это просто ужасный человек, Атилла, бич литературы!.. Он что же делает-с? – он черкает не рассуждения, не длинноты, а самую *суть фавулы*!! Он обворовал Ларису ни за что ни про что, и именно в ноябрьской книжке, в разговоре Форовой с Синтяниною у реки. Раз показано было, что «Лора роковая и скрывает в себе нечто, а может быть и ничто», – далее: старик генерал о ней говорит, что «ее, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит», – это все нужные, необходимые

ритурнели, и их нет, и зачем их нет, это один черт знает! И добро бы это были длинноты, – нет, это говорилось в кратчайших словах... То есть просто черт его знает, чего он хочет и из чего, из какого шиша я теперь сделаю эту Ларису? Отчаяние полное и бесконечное! Я готов бросить роман недописанным, потому что все равно боюсь, что сей профессор с его резвыми руками совсем меня спутает, и романа станет *нельзя свести с концом*. Я хотел ему было писать, Да боюсь, то ли напишу, что следует. Ну, художник! ну, «приготовитель к печати!» Недаром Вы запугали всех людей, тяготеющих к Вам по своему направлению. Это спаси и сохрани господи злого татарина, а не только Ф. Берга, который дописывает свою повесть, но едва ли пойдет на любимовские пытки.

Потом, что за корректура! В разговоре попа о травах «алиела» вместо «омела», «родилища» вместо «родимца» ... Эко толково! И еще: поп на приглашение Висленева выпить вина говорит: я вина никакого.

– Ну, хересу, – просит Висленев.

– Ну, разве ксересу, – отвечает поп.

Этот *ксерес*, разумеется, не сдуру же был поставлен вместо *хересу*, а для выработки типичности в языке доброго Евангела, так г. Любимов и это изволили поправить!.. Ах, сказал бы я ему за это словцо, встреть его на улице, да боюсь не позабыть бы, пока встретимся, ибо он столь мил, хорош, и прочее, и прочее.

Помогите, ради бога, если чем можете подействовать на сего ужасного оператора!

Здесь романом заинтересованы очень сильно. Хотелось бы знать: как в Москве?

Вашего «Шишкова» прочел с удовольствием и интересом большим. Я, впрочем, всегда читаю все, что Вы пишете, и занимаюсь не одним «интересом», но и способом Вашего обращения с людьми и манерою писания, которую очень люблю. Сторонних отзывов пока еще не слышал, ибо сижу дома и точку веретена, которые Любимов в свое время потщится позатупить.

Сегодня пишу ему несколько строк о распределении частей и не вхожу ни в какие иные объяснения, – боюсь быть «увлекательным».

От Юрьева вчера получил письмо не только радушнейшее, но даже лестное, – я не полагал, чтобы они меня так знали, как вижу из его письма. Я сегодня уже отвечал ему с благодарностью и полною готовностью служить им чем могу. Корреспонденции я, думаю, буду писать им, и потому нет нужды посылать никакого пробного письма.

Веру Петровну благодарю, что она читает мой роман. У нее такое удивительно четкое лицо, что я в жизнь мою не видал ничего подобного ее выражению, и думаю, что она должна видеть полтора аршина под землю. Будущей героине повести, которую завожу для «Беседы», подарю ее благородные черты, так как Любимов мне не позволил и живописать мою видящую под землю генеральшу.

Кланяюсь Вам, чтимый, уважаемый и преданно мною любимый Петр Карлович, и прошу Вас ждать от меня на сих днях и Ваши деньги и отчет о моих объяснениях.

Ваш слуга

Н. Лесков.

Р. S. Нет; решил совсем не писать Любимову! Потрудитесь ему сказать одно, что я прошу обе книги второй части назначить *самостоятельными частями*, что совершенно необходимо после уничтожения им деления частей на книги, ибо 1-я книга II части (где изображен современный нигилистический Петербург) не должна сливаться со 2-ю книгою той же части.

Третью часть я тоже разбиваю на две, и роман таким образом выйдет *вляти частях*.

Усердно Вас прошу передать это.

Н. Л.

Письма 1871 года

С. А. Юрьеву

6 января 1871 г., Петербург.

Милостивый государь
Сергий Андреевич!

Вы увлекли меня Вашим письмом до некоторой восторженности, под влиянием коей я написал Вам длинное письмо с целым рядом благожеланий искренних и предложений всяческих (может быть, наполовину вовсе неуместных). Теперь при свидании в Петербурге с Ал. Феофил. Писемским я имел случай узнать кое-что более о духе и направлении, которых Вы намерены держаться в Вашем журнале, и еще более радуюсь появлению этого издания, еще более единомыслию с ним и еще более ему сочувствую и желаю служить ему. О беллетристических работах мы поговорим с Вами при личном свидании, так как я около половины февраля рассчитываю быть в Москве, но мне хотелось бы и даже совершенно необходимо знать: по обычаю ли Вам мое предложение писем из Петербурга (смешанного полубеллетристического характера)? Я говорил об этих письмах с Алексеем Феофилактовичем, и он одобряет мой замысел для Вашего журнала, и, надеюсь, одобряет не из вежливости лишь и любезности. Пожалуйста, при свидании с ним потрудитесь решить, нужны ли Вам такие письма в размере от листа до полутора листа в месяц, и не откажите мне в удовольствии получить определенный ответ на этот вопрос.

Повесть для «Беседы» я заделал и, верно, предложу ее летом на Ваше обсуждение, а план ее сообщу Вам в феврале. Название же повести будет, как я писал Вам, «Марфа и Мария». Если бы Вы пожелали объявить о ней (если будете это делать), то, конечно, с моей стороны никаких претензий против этого нет, потому что повесть эту я не предложу никому прежде Вас.

С глубочайшим сочувствием к Вашему делу и с почтением к Вам имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Никол. Лесков.

Р. S. В «Современной» летописи» идет мой фельетонный рассказ. Пожалуйста, взгляните в него: он может дать понятие, что я могу «возделывать» в моих письмах. Письма я, переговорив с А. Ф., полагаю подписывать или буквами, или всем собственным моим именем, без новой маски.

П. К. Щебальскому

14 января 1871 г., Петербург.

Вы, вероятно, уже знаете, достойнейший Петр Карлович, о беде, постигшей сообщенное мною сведение о св<ященнике> Смирнове. Поистине понять не могу, что это такое может значить, и, прилагая при сем ответ на полученный мною запрос от редакции, усердно прошу Вас передать эти строки Михаилу Никифоровичу. Я жду ответов из Ревеля скоро и надеюсь восстановить правду сообщенных сведений, ибо ошибка здесь решительно невозможна.

Посылаю это на Ваше имя потому, что так мне кажется надежнее, а Вы, пожалуйста, на меня не сердитесь за это.

«Смех и горе» сконкретованы прекрасно. Если это Вы делали, то усердно благодарю Вас. Жаль, конечно, что все это дается по таким маленьким кусочкам. Нельзя ли, чтобы хоть следующий кусочек был целым эпизодом московских походов героя, то есть по старому делению глав до XX главы. Это было бы мне очень желательно.

Кроме того, земно Вам кланяюсь и прошу Вас неотступно вложить в уста голубого купидона несколько раз слова «простенько, но мило». Так, я желаю, чтобы он, говоря о том, как устроил свою квартиру, сказал: «оно, конечно, простенько, но мило». То же самое он должен употребить, говоря о доме своей хозяйки, об исправленном им зонтике, о комнате Ватажкова и о том, как он, не имея настоящей наблюдательности, решился донести на него «простенько, но мило». То же самое надо сделать и далее везде, где купидон подводит приятеля. Не откажитесь, пожалуйста, если только возможно, взять корректуру и добавить эти словечки в подлежащих местах по Вашему усмотрению.

О романе не хочется и говорить: Горданову не позволяют быть во фраке, когда он охуждает неуклюжий сак Базарова; корректура ужасная; получаю книги через две недели, между тем как другим присылали корректурные листы... Нет; видно уж не везет! Пишу далее, как сухой мерин борозду гоню, чтобы кончить, да и к стороне.

Про Вашего Сушкова заговорили. Слышал от литераторствующих цензоров, что «это уж слишком». В «Биржевых в<edomostях>» фельетонист процитировал Вашу статью и, по фельетонному обычаю, скрыл источники, но Красовский вообще стал у газетчиков притчей во языцех.

Ужасно скучаю, что не могу исправить Вам никакой службы и лишен удовольствия видеть Ваши строки, служившие мне доказательством Вашего лестного мне внимания.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

Р. S. Алексей Филатыч приезжал сюда кряхтеть и сетовал, сколь тягостно ему было получать деньги с К<ашпире>ва. «Главное дело, – говорит, – все это, братец, надо помнить, что есть у тебя вексель; надо его в срок протестовать; десять дней *грации спушищать* ... ведь это все беспокойство!» Да и впрямь так, хотя едва ли это главное.

За роман меня в «Петерб<ургских> ведом<остях>» выругали, а впредь еще не того ожидаю. Подписка у всех прекрасная, кроме «Зари» и «Нивы», – так глаголет Баунов. По отзывам «Летучей библиотеки», роман мой читается нарасхват и с азартом, даже превосходящим мои ожидания. Читают ли «Смех и горе»? Пожалуй, повестушка эта так и кокнет, как разбитое яйцо в яичницу, во всяком случае, впрочем, весьма почтенную и вкусную. Я думаю, по таким маленьким кусочкам невозможно читать, а потом забудется, да так и не прочтется.

Спеша успокоить редакцию, я тотчас же по получении сегодня их письма послал им депешу и сказал, что письмо следует. Получили ли они депешу? Прилагаю квитанцию.

П. К. Щебальскому

2 февраля 1871 г., Петербург.

Достойнейший Петр Карлович!

В пополнение всех неудач со «Смехом и горем» в печатании этой повестушки начался перерыв. Вот уже в двух номерах ее нет, и я ничего не знаю о причинах этого смеха и горя с «Смехом и горем». Усердно прошу Вас, не осудите меня за назойливость и, пожалуйста, черкните мне два слова, как намерено начальство поступить с этою злополучною моею работою? Вы, конечно, поймете, как мне, рабочему человеку, нелегко все это видеть, сносить и не уметь помочь себе ничем?

Пожалуйста, пособите и не оставьте меня в неведении.

Трубников потерял и последнего профессора Предтеченского, а с ним и всех отцов церкви. Теперь он «проклят».

Ваш слуга

Н. Лесков.

Для «Беседы» не только начал, но даже *кончаю* работу и за то от них не получаю теперь ни слова. Работу сию, надеюсь, позволите прочесть Вам.

П. К. Щебальскому

11 февраля 1871 г., Петербург.

Ваше превосходительство меня, читателя своего, изволили уязвить напрасно, назвав меня «чадолюбивым отцом своих творений», тогда как я их чуть ли не как щенят закидываю (чего и не поставлю себе в похвалу, а наипаче в покор и порицание). Но зато и я смею на отместку «язвануть» Вас, уважаемый и достойнейший протектор мой, Петр Карлович. Вы писали мне, что «от Усова никакого письма не получали», – это так; но Вы прибавили, что «и не получите», – в этом Вы ошиблись. Не все, значит, делается и по Вашему. Сегодня я был «у них», в камере, оставленной «отцами», и говорил с ними насчет книжки «Письма о Киеве» Максимовича, которую меня просят проблаговестить (чего, кажется, и от Вас ожидает Ваш ветхий деньми хранитель голенищ ярославлевых и дву тьму новейших динариев, пенязей и златниц, то есть М. П. Погодин, отправивший Вам экземпляр этой в самом деле интересной книжки). При разговоре со мною «они» заявили *удивление*: почему-де Щ<ебальский> нам не хочет давать передовых статей? На удивление это я отвечал сугубым удивлением и умеренною нотацией, добавив при сем, что мне от Вас запрещено даже и говорить об этом. Усов был моими словами крайне переконфужен и просил меня «поправить это дело»; а я ответил, что не я его испортил и не мне его поправлять, ибо я тут и сам не на радостях, краснея за них перед человеком, достойным всякого почтения. Поговорили смачно. После того Усов спросил моего мнения: поправится ли дело, если он напишет Вам сознание своей вины и попросит о возобновлении сотрудничества? Я отвечал, что ни за что не ручаюсь, но извинение есть их долг перед Вами. Тут Усов вскочил и написал Вам извинение, которое я прочел: оно не складно, но полно. Перестаньте, пожалуйста, сердиться и пишите им! Теперь их редакция на Литейной, и я, ходя гулять, всегда могу заносить Вашу работу, и наблюдать за ней, и производить настояния и взыскания. От Т<рубникова> же письма ждать нельзя, потому что он практиковать это ремесло *конфузится* ... (Это истина!) Ему гнусные Ъ досаждают, и зачем же его «изнурять», как героиню романа Писемского? Не вводите в искушение его милую застенчивость и предложите гнев на милость, по покаянному канону одного Павла Усова. Роман Писемского жив, но, по-моему, похабные места можно бы к черту, и это делу бы не помешало. Что за радость такая гадость? При девушках читать невозможно, и я именно на этом и попался. Достоевский, надо полагать, изображает Платона Павлова, но, впрочем, все мы трое во многом сбились на одну мысль. Статьи «Беседы» мне не понравились. Вы правы – это, говоря по-гамлетовски, всё «слова, слова и слова». Особенно такова перепичканная всяким шпигом статья Юрьева. «Чего ради трата сия миру бысть?» Подписка их у Базунова, однако, двинулась, но библиотеки на них ропшут, и «Летучая библиотека» (самая сильная) показывала мне письмо, подписанное Майковым, но содержащее «слова» и бестолковщину. Я ничего не понял... Жду Вашего ответа.

Лесков.

Г. Бенни

<4 марта 1871 г., Петербург>

Господин пастор! Я близко знал и считал своим другом брата вашего Артура Бенни, бесчестно оклеветанного в Петербурге, и Вы, вероятно, знаете немножко о моей с ним приязни. Это чувство внушило мне мысль восстановить его поруганную честь подробным рассказом об его пребывании в России. Рассказ этот напечатан в прошлом году в одной из петербургских газет («Биржевые ведомости»). Он принес свою долю пользы, но и возбудил со стороны злонамеренных людей новые толки не в пользу покойного брата Вашего, и даже во вред мне. Все это стало делом чести Вашего семейства и моей. Я решился вновь повторить печальную историю Артура, но уже не в газете, а отдельною брошюрою в десять листов, которая уже печатается и выйдет в свет без предварительной цензуры. Зная об этом моем намерении, Иван Сергеевич Тургенев написал мне письмо, в котором, одобряя мое «хорошее и честное» (по его словам) заступничество за поруганную память покойного Артура, обещал, тотчас по выходе этой брошюры, поддержать слова мои и, с своей стороны, запротестовать таким образом против укоризн, оскорбляющих неповинного члена Вашей семьи. Книгу мою я посвящу Вашей матушке и Вашему семейству, которое уважаю и люблю по Артуру. Не оставьте сообщить об этом уважаемой матери Вашей и сообразовалите известить меня о ее имени и согласии. В книге я предпошлю письмо к Вашей матушке. Если при всем этом Вы не откажетесь сделать мне какие-либо указания, нужные для моего сведения, или почтите меня строкою от Вас или от Вашей матушки – разумеется, строкою, властною содействовать восстановлению доброго имени Артура, – то, как бы ни коротка была эта строка, я дам ей самое почетное место в моей книге. Я считал бы это даже необходимым, дабы положить конец толкам, *кто* таков был Л. Бенни, так как об этом до сих пор еще спорят и желают видеть в нем какого-то «Бениславского». Во всяком случае, позвольте надеяться, что вы удостоите это письмо мое ответом в самом непродолжительном времени.

Ваш, милостивый государь, покорный слуга

Н. Лесков.

А. С. Суворину

5 марта 1871 г., Петербург.

«Коварный, но милый» благоприятель
Алексей Сергеевич!

Исполняя мое вчерашнее обещание, посылаю Вам четыре книжки «Русского вестника», в которых напечатаны две первые части моего романа. Прочтите, судите и «ругайте», если добрая совесть Ваша укажет Вам, за чту «ругать» следует. Посылаю тоже четыре № «Современной летописи», в коих напечатана другая моя литературная безделка. Ее в Петербурге «просмотрели» (то есть не заметили), а ее тоже стоит, может быть, «обругать», а может быть, и нет. Во всяком случае, пожалуйста, пробежите ее. Тут поставлено: («окончание»), но это ошибка – будет еще отрывка три или четыре.

О делах буду писать Вам завтра.

Ваш покорный слуга

Н. Лесков.

П. К. Щебальскому

5 марта 1871 г., Петербург.

Уважаемый Петр Карлович!

Хотите ли Вы или не хотите, но Вы упорно заставляете меня не только чтить, но и любить Вас, как никого не любил с дней моей юности! Вы сделаете меня безмерно счастливым, если позволите мне хранить в моей душе это чувство, дающее мне прекрасные и высокие минуты. Ваше слово меня животворит, одушевляет и поддерживает. Благодарю Вас, и несказанно благодарю, за все, а наипаче за внимание к моим работам, за поощрение, за совет, за указания. После покойного Дудышкина ко мне никто так не относился, и я никогда этого не забуду. Я слаб, я, на горе мое, слишком болезненно все чувствую, и поддержка для меня так дорога, что Вы не можете себе этого представить!

Я вас послушаю и не буду выходить из провинции, насколько можно, хотя роман уже попорчен страхом чирканья... То, что вы читаете (и чего я еще не читал), писано в Ревеле, до страха, нагнанного мне Любимовым. С тех пор я писал кое-как – лишь бы короче, лишь бы кончить, и перенес все мои симпатии на повесть, которую привезу Юрьеву и которую попрошу позволения прежде прочесть у Вас. Ею я сам даже доволен.

Статьи Вашей о Миртове жду, но как «Р<усский> в<естник>» ходит к нам по допотопной почте «на волах», то вот уже 2 часа 5-го марта, а Питер еще не получил февральской книжки. Вы бы сказали об этом.

Я писал М<ихаилу> Н<икифорови>чу, что Ив. С. Тургенев собрал 4-го ч<исла> (то есть вчера) всех представителей искусства на вечер (у Демута). Я хотел об этом вечере написать в «Московских в<edomostях>», да не напишу, потому что неудобно. Собралось 160 человек. Буквально были все искусники: музыканты, певцы, литераторы, артисты (то есть актеры), живописцы и ваятели. Был квартет, были речи, играл Рубинштейн, – толковали *о соединении церковей* и, кажется, остановились в положении церковного же соединения. Выбрали комиссию по два человека от цеха (Анненкова, Боборыкина, Самойлова, Васильева, Рубинштейна, Балакирева, Зичи и Клодта). Пристойно все было до нельзя более. Пьяная компания не пошла на сходку, но тонкий задор был, хотя очень слегка. В следующий четверг снова положили собраться у того же Демута, и надеемся это продолжать, покуда выпросим себе «беседу», но не клуб. Почин этого дела оказался не за Тургеневым, а за Рубинштейном, Микешиным и Самойловым. Рубинштейн и Тургенев завтра уезжают, первый к Вам на концерт (до среды буд<ущей> недели), а второй в Мценск. Новостей бездна, да всего не изобразишь в письме.

Будьте здоровы и вечно живы и юны Вашим прекрасным сердцем.

Ваш Н. Лесков.

Р. S. Нельзя ли Вам сказать Любимову, чтобы он присылал мне роман из дефектовых листов в конверте по почте? Ведь это просто, и несносно не знать, что напечатано. Был ли у Вас некто Гойжевский? Я *должен был* дать ему рекомендацию к Вам.

А. С. Суворину

20 марта 1871 г., Петербург.

Воскресенье.

Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за Ваше письмо и сохраняю его, как доказательство, что я *никогда* в Вас не ошибался, считая Вас человеком, ищущим правды и любящим ее. О том, кто из нас грешит в выборе путей для этого искания, говорить долго (по-моему, Вы грешите более меня, нападая на таких людей, как Катков), но довольно того, что мы уже можем опять вести хотя литературные споры (в чем, однако, заслуга принадлежит мне, ибо я доказал, что я Вам вполне верю и уважаю Вас, несмотря на нашу разность во мнениях и даже на Ваши не совсем ловкие, надеюсь, нападки на мою совесть). Благодарю Вас за указания. Роман, конечно, с большими погрешностями, но в нем еще многое не выяснено. Я не думаю, что мошенничество «непосредственно вытекло из нигилизма», и этого нет и не будет в моем романе. Я думаю и убежден, что *мошенничество примкнуло* к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкало и примыкает «к идеализму, к богословию» и к патриотизму. Я (может быть) связан кое-чем, что не мог провести этих параллелей, а они меня даже и занимали и намечены в плане романа. «Непосредственное же продолжение» нигилизма есть майор Форов – лицо, впрочем, наиболее потерпевшее от уступок, какие я должен был в нем сделать. Они простираются очень, очень далеко, и вширь, и вдоль, и вглубь... Но тем не менее *он* есть «продолжение» нигилизма, и я советую Вам терпеливо задержаться осуждениями, пока прочтете всю третью часть романа, где уяснится и Синтянина.

«Сочинения» нет. Разве Вы не знаете «литератора-ростовщика», служащего в полиции и пишущего в «Искре»? Разве Вам не известны его проделки с Кашеваровой и мн<огими> др<угими>? Вы жмурите глаза, мой уважаемый противумышленник! Вы не свободны и партийны, гораздо более чем я, которого в этом укоряете. Я не мщу нигилизму за клевету мерзавцев и даже не соединяю их воедино в моей голове. Я имею в виду одно: преследование поганой страсти *приставать* к направлениям, не имея их в душе своей, и *паскудить* все, к чему начнется это приставание. Нигилизм оказался в этом случае удобным в той же мере, как и «идеализм», как и «богословие», – в этом Вы правы. Но Вы не хотите правды... Вы укоряли меня за письма о Бенни, а Ив. С. Тургенев письмом ко мне признал эти письма «делом честным». Где же истина, и за кем беспристрастие? Беспристрастны ли Вы, придираясь к Каткову за его лицей? Конечно, я не могу видеть в этих нападках того беспристрастия, какое сам я обличаю в Форове, в моем уважении к Вам и во многом другом. «Ран», нанесенных мне мерзавцами, клеветавшими на меня, я не чувствую. Поверьте мне в этом! Да и что чувствовать? Неужто у меня нет друзей, или мне заперты двери честных домов, или мне негде помещать моих работ? Боже мой! Какой же вред они мне сделали? Кто же, зная меня, не знает, что я имею право быть назван человеком не глупым и честным? Затем, когда смерть сделает свое дело, все это получит новое освещение, и стыдно будет не моим детям, а детям тех, кого я по совести называю клеветниками и подлецами.

Да, я спокоен! Верьте мне, уважаемый недруг, что я не мщу никому и *гнушаюсь* мщения, а лишь ищу правды в жизни, и, может быть, не найду ее. Остальные части романа пришлю Вам (если хотите, у меня есть корректура всей 3-й части). Жму Вашу руку и еще раз благодарю Вас.

Никол. Лесков.

Я потерял Ваш адрес и не помню его. Прилагаю Вам ключок, – не найдете ли в себе «беспристрастия» поговорить об этом.

С. А. Юрьеву

31 марта 1871 г., Петербург.

Милостивый государь

Сергий Андреевич!

Зная Ваши недосуги, теперь уж совсем боюсь беспокоить Вас моими письмами, а между тем «грех воровать, да нельзя миновать». Я должен дать Семеvскому ответ о письмах Журавского и Нарышкина и потому усердно прошу Вас сказать мне: годны ли Вам эти письма, или они не имеют для Вас интереса? В последнем случае возвратите мне их, пожалуйста, по почте.

Прошу Вас принять уверение в моем почтении, с каковым имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Никол. Лесков.

Р. S. Статья «о свободе совести» меня очень заинтересовала. В публике здешней о журнале почти не знают или сторонятся его, повторяя с чужих слов: «серьезно и скучно». Как Вы хотите, а мне кажется, у Вас действительно очень большое преобладание серьезного, так сказать трактующего чтения перед живым и художественным. Может быть, это в Ваших целях, но это всегда обрезало успех изданий, державшихся такой программы, и надо желать, чтобы с Вашею «Беседою» сталоv иначе. Надо же брать в расчет, что журнал выписывается для *всей семьи*, для целого дома, и половина Ваших читателей женщины... Эта вся ученость не в их вкусе; а их вкуса Вы не должны забывать, ибо иначе они Вам отомстят злее всяких литературных врагов.

Я не понимаю: зачем наши современные редакторы отменили старинное деление книги на два отдела? То было гораздо удобнее, и самый разнообразный читатель находил себе тогда подходящее чтение, да и редакции виднее было, чего куда надо привесить и примерить. Я бы непременно держался этой умной и удобной старины, столь соответствующей разности наших читателей в одном и том же семействе, где получается известный журнал.

Однако же простите за приятельскую откровенность.

Н. Леск.

Р. S. Милюков написал повесть «Царская свадьба». (Это сватовство и кончина Марии Темрюковны.) Изучение старины большое и воспроизведено не худо. Сегодня вечером он читает эту вещь у меня при знатоках древнего русского быта: Семеvском и епископе Ефреме. Думаю, что Вам бы нелишнее взять этакую штуку, а ей и цена не с гору.

А. Ф. Писемскому

6 апреля 1871 г., Петербург.

Милостивый государь
Алексей Феофилактович!

Не мне писать вам похвальные листы и давать «книги в руки», но по нетерпечести своей не могу не крикнуть Вам, что Вы богатырь! Прочел я 3-ю книжку «Беседы»... молодчина Вы! Помимо мастерства, Вы никогда не достигали такой силы в работе. Это все из матерой бронзы; этому всему века не будет! Подвизайтесь и не гнушайтесь похвал «молодых людей», радующихся торжеству Ваших сил и желающих Вам бодрости и долгоденствия.

Ваш слуга

Н. Лесков-Стебницкий.

С. А. Юрьеву

6 апреля 1871 г., Петербург.

Уважаемый Сергей Андреич!

(Простите, пожалуйста, что я не хочу Вас называть «милостивым государем».) Вот в чем дело: статья Майкова «Всеславянство» превосходна! Я начал ее читать с предубеждением и дочитал ее с восторгом. Точка зрения верная; развитие прекрасное; вывод благоразумнейший. Поздравляю Вас, ибо люблю Ваш журнал и Вас самих полюбил. О повести Милюкова мне уже не отвечайте, потому что ее берет Михаил Никифорович и я ее ему отдал, а насчет писем Журавского ответьте.

Бога ради, оживляйте Ваш журнал статьями и художественною мелочью, отвечающими требованиям легкого читателя! Недостаток таких вещей не проходит безнаказанно для финансовых средств издания, а это не вздор. Что делать? Надо мешать дело с бездельем – иначе «с ума сойдешь».

Что же нет у Вас писем о петербургском театре и о петербургской жизни – особенно о петербургской семье? Я жду этих вещей с нетерпением и отзовусь на них. Разлад нашей семьи – это такая тема, на которую можно и должно отозваться живым и сердечным словом. Зачем медлит Ваш ангажированный сотрудник? Этим можно за самую жилу затронуть общество. Подгоните-ка его, – полноте все только говорить «о матерях важных». Разве жизнь дня сего тоже не важная материя?

Роман Писемского пытаются злословить, но, по-моему, он могучая и превосходная вещь. Силы Писемского еще никогда и ни в одном из его произведений не проявлялись с такою яркостью. Это положительно так. Что бы кто ни говорил, а всем злословиям не повалить одного Элпидифора Мартыныча с акушеркой. Могучая, могучая штука! Фигуры стоят как бронзовые: им века не будет.

Затем бог Вам в помощь и сочувствие всех добрых людей. Жму Вашу руку.

Лесков-Стебницкий.

Р. С. Сейчас приехала к нам доктор медицины Варвара Александр<овна> Кашеварова и говорит, что муж ее, профессор Руднев, подписался на «Беседу». Одобрю, но спрашиваю: почему так они выбрали «Беседу»? – А потому, отвечает, что статья Майкова это восторг, это прелесть, и т. д., и т. д.

Если находите удобным, передайте автору сии «восторги» прекрасной русской женщины, каковую имеет полное право называться докт. медиц. Кашеварова (которой капитальное изучение естественных наук не помешало любить Русь и теперь не мешает молиться за раннюю обедню у Знаменья о своих грудных больных). Нет, велик, велик наш бог земли русской!

Не потрудитесь ли Вы, благосердый Сергей Андреич, отменить московский обычай не отвечать на письма? Пожалуйста, попытайтесь: это совсем не так неудобно, как принято думать в Москве на всех ее стоячих прудах.

Еще раз: здоровья Вам и успехов.

Лесков.

П. К. Щебальскому

8 апреля 1871 г., Петербург.

Благороднейший Петр Карлович!

Как было бы досадно думать, что Вы посудите обо мне по невежеству моему, а не своему благодушию? Когда мне нужда в Вас, так я что день строчу послания, а тут не тороплюсь сказать спасибо за Ваш привет, за Ваши большие одолжения в делах и за неоценимую ничем ласку Вашей благословенной и трижды благословенной семьи! Но я не виноват, а виноват во всем... Усов с Трубниковым. (Вот Вы и подивитесь, а дело именно так!) Штука в том, что я все Ваши поручения исполнил с надлежащею точностию и аккуратностию: 1) книжка Толстому отослана; 2) Базунову все передано; 3) Семевскому книга вручена, и произведен с ним надлежащий разговор; 4) в «Бирж<евых> ведом<остях>» заметка о книге Вашей написана и отослана туда на третий день по приезде, и с тех пор до вчерашнего дня я ожидал ее появления в печати, льстя себя надеждою с нею вместе (то есть одновременно) отпрапортовать Вам, что все порученное Вами мною исполнено в точности. Ожидание это было, конечно, довольно суетное: хотелось эффекта, но его не вышло, а вышло только некое невежество, удобосоединяемое с моралью басни о «дубе и свинье». Пожалуйста, простите мне и не подумайте, что и я, как оное животное, поевши желудя, «задрал от дуба рыло». Это было бы мне несносно против Вас, редкого и превосходного человека, расположенностью которого я дорожу безмерно! Я проэфектичался, и более ничего. Теперь ждать нечего, ибо когда я вчера по поводу некоторых затей был в редакции, то оказалось, что заметка моя о Вашей книге «затерялась» у нигилиста-корректора, и ее надо написать вновь, что уже и исполнено. Мих. Ив. Семевский сказал, что о Вашей книге в «Старине» *был* отзыв, но что Вы его, верно, просмотрели (то есть не заметили). Семевский сожалеет, что Вы его не застали, а он Вас, и все закончилось только визитами. Он полон к Вам и Вашим трудам наилучшего почтения. Статья Ваша в «Беседах» Об<щества> л<юбителей> р<оссийской> с<ловесности> очень замечена любителями литературы. Мне о ней с восторгом говорил, вероятно известный Вам, актер Ив. Фед. Горбунов, прибавлявший, что он «знал об этой статье ранее ее напечатания». Сочинения мои все собрал и отдал переплесть и потом пришло Вам с надписями. Я хочу, чтобы в милом и ласковом доме Вашем был хороший экземпляр моих литературных работ. На сих днях ко мне обратился книгопродавец Ваганов с просьбою продать ему право на «Полное собрание» моих сочинений, — я отказал. По-моему, это еще рано и невыгодно для меня, до тех пор, пока будут напечатаны «Божедомы». Здесь я вошел с Михаилом Никифоровичем несколько в иной тон отношений. Не знаю, чему это приписать? Начальное внимание его ко мне, верно, кроется в столь зримой интриге моей в пользу классического образования — интриге непредосудительной и, смею думать, даже честной... Надо же было хоть один орган удержать в пользу этого вопроса, и тут мы, разумеется, «поинтриговали». Что делать? Но потом Мих<аил> Никиф<орович> верно нашел, что меня пустым мешком не били, и обласкал меня, как никогда не ласкивал. (А может быть, и тут не без Вас? Скажите-ка правду? Все доброе мне из Москвы идет через Вас.) Мы виделись до сих пор всякое утро и беседовали неторопливо втроем: то есть он, Болесл<ав> Маркевич и я. Речи бывали разные, с касательством до имен живых людей. Я опять «поинтриговал» и зародил в Трубникове желание сблизиться с М<ихаилом> Н<икифоровичем>, а Мих<аил> Н<икифорович> сам пожелал быть у него, и, наконец, завтра они должны увидеться, причем желательно, чтобы Мих<аил> Ник<ифорович> закрепил сего Константина не великого на нашу сторону, на которой он хотя и стоит, но шатается так, что его надо постоянно держать под локти. Я жажду, чтобы там очутилось влияние Болеслава и Ваше, и тогда и сам возьмусь опять, а «один в поле не воин».

Надеюсь, хотя вся эта «интрига» – новость, которой Вы, пожалуй, подивитесь, а пожалуй, хоть посмеетесь.

Но «интригу» в сторону. Вчера Мих<аил> Ник<ифорович> за завтраком у того же Болеслава говорил, что ему «Р<усский> в<естник>» в тягость и что он даже думал его бросить, ибо заниматься им ему самому некогда, а он стал «просто какой-то сборник, а не журнал». Я и Болеслав М<аркевич> с этим вполне согласились, но возражали против мысли о закрытии, и Болеслав при этом сказал: «отдайте лучше нам». (Сие «нам» разумеется «ему»). М<ихаил> Н<икифорович> на это отвечал: «что ж, пожалуй». Этим акт и кончился, но не знаю, совсем он кончился и не возобновлялся ли без меня? Советую Вам подумать и поговорить о старом Вашем плане прежде с Миррою Александровною, а потом с Николаем Алексеевичем, ибо с ним вместе, кажется, это вероятнее, чем без него, так как это было бы против него. Во всяком случае, прошу Вас принять все это к сведению. Трудитесь-то Вы много, а надо бы труда посылнее, к чему аренда «Р<усского> в<естника>» как нельзя более удобна и время к сему очевидно благопотребно. Мих<аил> Н<икифорович> поручил мне взять у Милюкова его «Государеву свадьбу». Я ее завтра возьму и пришлю Вам в редакционном пакете. О критиках я говорил и с Милюковым и с Мих<аилом> Ник<ифоровичем>, который их тоже хочет, но дело в том, что Милюков занят и не обещает постоянных статей, а сказал, что напишет «что-нибудь получше». Все боятся всё Ваших порядков... Это возмутительно даже! Всех людей *отпугали*. Я говорил К<аткову>: «зачем искать критиков, когда у Вас есть Петр Карлыч?» и при этом указал на те достоинства Ваших рецензий, которые знаю, то есть на их спокойный тон, резонность и силу... М<ихаил> Н<икифорович> к этому даже прибавлял красок, но... но Вам, одним словом, нужно перестать мечтать, а надо *брать* «Русский вестник».

Теперь на остальную часть страницы прошу Вас наложить ладонь и читать *uno solo*.²

Я посылаю кусок романа «На ножах». Кусок живой и горячий, как парная кровь, но немножко непоследовательный. Непоследовательность эта, весьма не худо, впрочем, смазанная, происходит от необходимости восстановить характер отношений Форовой к нигилисту-мужу. Это все было безрассудно вымарано, а без этого *нет идеи* романа. Теперь это все восстановлено с лицом новой «умной дурочки» – попадьи, жены отца Евангела. Само собой разумеется, что здесь нельзя йоты переставлять, если не желать оставить роман без окончания, но есть еще и мелочи, к которым я прошу Вашего внимания и милосердия о мне, грешном, люте от одного сарацина страждущем.

«Умная дурочка» написана крайне тепло, с ее собственною плотью и с ее же языком, а не с моим и не с Николай Алексеевичевым. Она говорит прекрасно, когда *чувствует сердцем*, и преглупо, когда хочет быть «умною дамою». Такой случай есть у нее в разговоре с Форсвым; она говорит: «я вас еще прежде видела, но только вы теперь в сюртуке и в штанах, а тогда были в мундире и в *подштанах*».

Ходатайствую перед Вами за эти «подштаны», – они необходимы, и, имея в виду, что Тургеневу позволялось писать «портки», а Павел Ив. Мельников вчера еще писал в «Р<усском> в<естнике>» «порты», я уповаю, что сия просьба моя не особенна и дерзновенна! Ради бога, попросите Николая Алексеевича не стягивать «подштанов» с моего майора, тем более что эти «подштаны» вовсе не «портки» Тургенева и даже не «порты» Павла Иваныча, а просто летние военные рейтузы, которые попадьи низводит до низкого звания «подштанов» единственно по своей наивности, а не по фривольности. Растолкуйте ему, ради Иисуса Христа, что это не цинизм (которого я сам не терплю), а это точно такое же невинное событие, как пресуществление Павлом Ивановичем «кклестера» в «кклистир» за обедом при четырех дамах, из коих ни одна сего казуса не сконфузилась, несмотря на то, что оратор особенно напирал своим «кклистиром» на Ахматову и даже «трегубил» о нем. Пожалуйста, спасите мне эти «подштаны».

² Наедине (*итал.*)

Читая утомляющие длинноты Мельникова, я начинаю думать, что я, должно быть, пользуюсь особенным рачением добрейшего Николая Алексеевича и потому так робко трясусь за судьбу майоровских «подштанов». Еще раз, не оставьте их Вашим заступлением.

Значит, опять не обошлось без просьбы, – ну и прекрасно!

Поручаю себя Вашей опеке, почтительнейше целую руку Мирры Александровны и кланяюсь большим поклоном всем барышням.

Если в письме что-нибудь нескладно, то Вы, пожалуйста, догадайтесь, а то «перечитать всей этой литературы» некогда, ибо два часа, и я лечу, лечу и лечу, чтобы отдать письмо в вокзале.

Ваш всей душой

Лесков.

Р. S. От *силы* таланта Писемского я в восторге. Это бронзовые изваяния какие-то. Могуче написано. Не могу удержаться и пишу ему.

П. К. Щебальскому

16 апреля 1871 г., Петербург.

Некоторая многосторонность Вашего письма, уважаемый Петр Карлович, требовала собрания некоторых сведений, прежде чем ответить. Я так и сделал и вот отвечаю Вам пунктуально:

1) Милюкову я прочел строки Вашего письма, касающиеся его критики и его повести. Он Вам ответит на все это сам и сегодня же.

2) Замеченная Вами действительно хорошая статья в «Заре» под буквами №№ писана стародавним сотрудником «Русского вестника», ныне губернатором, Громекою!

3) Статьи моей о книге Общества любит^{елей} росс^{ийской} слов^{есности} в «Биржев^{ых} ведомостях» вы не увидите, потому что Трубн^{иков} боится, что это «поссорит его с цензурою», с которою ему хочется дружить. Усов этим очень сконфужен.

4) Вместо того чтобы просить Краевского, я взял набор моей заметки из «Биржев^{ых} ведом^{остей}» и отдал его Милюкову с просьбою включить в первый его библиографический отчет в «Голосе», где он постоянно ведет библиографию и журналистику. Все это исполнено вчера. Милюков обещался сделать это через неделю, а набор своей заметки я дал ему потому, что у него нет книги, да и этак короче.

5) На редакцию «Р^{усского} в^{естника}» трудно не жаловаться, ибо сами же Вы видите, что приходится лепить, да перелепливать тожде да к тому же, и ото всего этого не выходит ничего иного, кроме досады, охлаждения энергии, раздражения, упадка сил творчества и, наконец, фактических нелепостей и несообразностей, вроде тех, которые Вами усмотрены. Одним словом, я дописываю роман с досадою, с злостью и с раздражением, комкая все как попало, лишь бы исполнить программу. Может быть, я излишне впечатлителен, но тем не менее я ни гроша бы не стоил с меньшею впечатлительностью. Надо же было, кажется, пожалеть и эту впечатлительность, а не раздражать ее бестолковейшими хамскими приемами, после которых я чувствую только одно, что роману уже нельзя быть таким, каким я его задумал и вел в первой части. Он убил меня, этот «милый сердцем невежда», которому не понятно ни одно живое человеческое отношение. Мне не позабыть, как его ужасало, что Форов считает себя «нигилистом». Он думает, что можно заблуждаться все только в одну сторону... Да нет; уж лучше оставим и говорить про это! Не только кровь бросается в лицо, как у людей, а даже

Все кошки в негодование

У меня вертятся в брюхе,

как у лохматого Атта-Троля. И еще: я даже и Вам не верю в Вашу искренность, когда Вы говорите, что это «ничего». Это «ничего» стоит того «ничего», которое говорят парни неопытным девушкам, вызывая их «ночку коротать – разговаривать». Это то «ничего», которое, по пословице, «девок портит». Вы говорите: «это миф», – хорош миф, который дело портит и которого люди как черта боятся!

6) Статья Ваша, озаглавленная «Если бы», напечатана передовою статьею в страстную субботу 27 марта. Посылаю Вам ее вырезанную из «Бирж^{евых} в^{едомостей}». Барышни, значит, просмотрели, что и вполне свойственно их блаженной юности.

7) Критиков, помимо Милюкова, не знаю, где искать. Между дудышкинскими людьми есть некто Зарин, но он не подойдет, а другие все боятся Николая Алексеевича. Вчера мы обедали у Палкина (мы собираемся обедать два раза в месяц: я, Милюков, Маркевич, Данилевский и еще человек пять единомыслящих), и я укорял Милюкова за небрежение зовом, а Гр.

Данилевский и многие другие заговорили, что «при Любимове нельзя писать критик», и вот Вам все и разговоры! И это «миф»? Впрочем, Милюков напишет «о непроизводительности в современном искусстве» и пошлет статью Вам. Не знаю уж, ловко ли это? Впрочем, Маркевич находит, что «ничего», а я опять повторяю мужичью присказку, что «ничего» девок портит. Впрочем, моя хата с краю, и я буду только радоваться, если критики, наконец, появятся в «Р<усском> в<естнике>». Катков обласкал Милюкова, и тот очарован Михаилом Никифоровичем, а М<ихаил> Н<икифорович> здесь все повторяет, что «Р<усскому> в<естнику>» нужна критика. Поимейте-ка это в виду! Я же остаюсь при своем, что из всех способнейший человек к критике это Вы, и Милюков все-таки не принесет той пользы литературе, которую принесли бы Вы, если бы сами взялись за это дело.

8) «Смех и горе» в отдельном издании уже заказаны в типографии Каткова, и Лавров прислал мне два первых листа корректуры, но на том все и стало. Прошу Вас: узнайте, пожалуйста, что сей сон обозначает? «Смех и горе» и здесь возбуждает у всех большое сочувствие. Могу сказать, что ни одна моя работа не шла при таком полном внимании читателей, как эта, которую «миф» «Русского вестника» продержал год под столами, все норовил откатнуть се ногой. Благодарю Вас за приятнейшее для меня желание Ваше видеть «Смех и горе» посвященным Вам. Ничего я не делал с таким удовольствием, как делаю это посвящение Вам, моему просвещенному руководителю, моему сердечнейшему поощрителю и драгоценнейшему и после смерти Дудышкина ни с кем несравнимому моему литературному другу. (Не бойтесь этого последнего слова, — моя дружба почтительна и помнит границы всех очертаний.) Я Вам пришлю посвящение, которое не хочу ограничить одним упоминанием Вашего имени на титуле книги, а напишу Вам несколько строк, определяющих характер драгоценнейших чувств, Вами во мне зарожженных и воспитанных. Кроме того, я скажу в том письме и о «Смехе и горе», по поводу одного весьма неприятного мне явления; все видят его «смех» и хохочут, но никто не замечает его «горя». Это мне очень досадно, и я ли тут виноват, или же и тут опять «и смех и горе»? Я пришлю это письмо к Вам, с тем чтобы Вы его обсудили, обдумали и, поправив, дали бы тиснуть в типографии и прислали мне. Надеюсь, что Вы все это сделаете, а теперь пока спросите Лаврова: за чем же стало дело? и скажите, чтобы печатали не 1800 экзempl., как было говорено, а 2400, то есть по-ихнему ровно *два завода*. Книжники к этому поощряют, и я рискую издать издание большое. Кому бы доверить московскую продажу? Вы хвалите Кольчугина. Как бы с ним уладить это дело? Молвите при случае слово. Условия я прошу те, что и Вы.

9) С Семевским об экземпляре «Старины» переговорю «при случае», как Вы сами того требуете.

Теперь рапорт весь отрапортован.

Далее позвольте начать грубить Вашему превосходительству.

Ваш «виноград», наверное, никуда не годится: это в Вас,

...своеволием пылая,
Мятется юность молодая,
Опасных алча перемен.

У литературы есть своя «священная мерзость», которую мы весьма походим на жриц публичного разврата. Возьмите Вы и рассуждайте: почему бы уличной женщине не сделаться хорошею женщиной, если ее возьмет замуж честный работник? Ведь теоретики говорят, что она будет *женою*, но на деле она все-таки останется виконтессой Дюшкуранс! Это верно и подтверждено самыми беспристрастными наблюдателями. То же и с литературой: Вы со всем Вашим умом заблуждаетесь, что, садя виноград, Вы уже и «не заглянули бы ни в газету, ни в журнал». Нет-с; этот «разврат», которому мы поработали в поте лица и в нытье мозга костей своих, не даст нам силы обречь себя на целомудренное молчание. Не быть из литератора вер-

тоградарю, особенно же из литератора такого живого и чуткого, как Вы. Писемский вчера прислал мне большое и задушевнейшее письмо, в котором сетует за меня, что «нет руководящей критики», и потом говорит, что «путь наш тернист». Да; противный, гадкий, колкий и голодный путь:

Жизнь без надежд —
Тропа без цели,

а все-таки мы с него не должны сворачивать, ибо куда ни повернем, везде скиксуем и потянемся опять пошляться на своей поганой литературной улице, и это наше благо. Почему? а вот почему-с, по бывалым примерам. Ни из одного литературного человека хозяина не вышло и не выйдет, а тем паче сельского хозяина. Рожь и виноград (все равно) зреют не так, как наши мысли, и разочарования в них не менее, чем на нашем тернистом пути. У меня был отец, большой замечательный умник и дремучий семинарист, в которого, однако, влюбилась моя мать, чистокровная аристократка. Отец мой был близок к Рылееву и Бестужеву, попал на Кавказ, потом приехал в Орел, женился и при его невероятной наблюдательности и проницательности прослыл таким уголовным следователем, что его какие-то сверхъестественные способности прозорливости дали ему почет, и уважение, и все что Вы хотите, кроме денег, которыми его позабыли. Он рассердился, забредил, подобно Вам, полями и огородами, купил хутор и пошел гряды копать, но... неурожаи, дрязги мужичьи, грозы, падежи и прочие прелести, о которых мы позабываем, предаваясь буколистическим мечтаниям, так его выгладили, что из него в пять лет вышла дрязга, а потом он и умер, оставив кипы бумаг, состоявших из его переводов Квинта Горация Флакка и Ювенала, сделанных им в те годы, когда матери нечем было ни платить за нас в училище, ни обувать наши ножонки (буквально). Второй пример есть Нестор Васильевич Кукольник, потом Степан Степанович Громека, которого вот, как видите, литературный разврат выводит из стен его губернаторского кабинета, где его никто не смеет обругать и облаять. Нет-с, равви мой благий, это Вы не дело затеаете, и Вам на этом не опочить! Ходит в народе глупая сказка, что будто бы три лекаря поспорили, что один глаза у себя вынет и потом вставит, другой еще что-то (не помню), а третий «утробу» вынет себе и назад вложит. Так и сделали и отдали вырезанное спрятать кухарке, а у той ночью крысы «утробу лекаря и съели». Баба в перепуге заменила эту утробу свиною, а лекарь ее себе вставил и начал жить, но только всю жизнь потом удивлялся, что «что, говорит, я ни ем: всякие шоколады и фруктеры, а все после г...да хочется». Вот Вам подобие силы литературной жизни, к которой *тянет* и из губернаторских кабинетов, и потянет и из виноградника, и это еще благо, что этого «г...да хочется», а то застой, коснение, измельчание. Почему измельчание? А потому, что хозяйничать хорошо или с хорошими и не малыми средствами, или со святым смирением мужика, а у Вас не может быть ни того, ни другого, и Вы скоро почувствуете тягость сугубую от сил неодолимых и от людей, имени человеческого не заслуживающих. Я это говорю не только с верою, но и с убеждением, которое не лжет мне, когда я думаю о Вас, о Вашей семье, счастье которой мне дорого и мило, и при этом припоминаю Русь такую, как я ее знаю от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру. Нет; нет; хлопчите, берите виноградник, но не делайте бесповоротного шага от литературы, сколь бы она Вам сею порою ни опротивела. Опять и это вспомнится и поманится. А ко всему этому... (Христа ради, простите) у Вас дочери девушки, девушки милые, чудесные: за что это их-то прочь от людей и в виноградник? Ведь им *жить надо*; нужны люди, а не виноград. И далее... дальше все-таки Мирра Александровна станет заниматься тщательным хранением ножниц, которыми бабушки обрезают пупочки внучатам, а в свободное время будет вязать свивальники и обрубливать подгузочки из ваших выслуживших сроки рубах. Как же: ей тоже в виноградник? За что? Нет, это так не будет.

Л.

П. К. Щебальскому

19 апреля 1871 г., Петербург.

Уважаемый Петр Карлович! Я получил Ваше письмо и корректуру в 12 часов, а в 2 часа уже отослал листы в Москву. Надеюсь, что они уже дошли до Ваших рук. Я сделал поправки по Вашему указанию, да они иначе и невозможны. Досадно, что все это было в своем месте в начале романа, равно как и характер Лоры там был заквашен, и вся эта закваска вылетела вон, а теперь надо ее вправлять, как выпавшую кишку. Предосадно! На Вас мне сердиться не за что, а все только надо благодарить. Вы во всем правы, и все Ваши замечания справедливы, и я их всегда беру к «милому сердцу», как говорят нежноголовые чехи. Спасибо Вам, благороднейший из знакомых мне и присных! Не знаю: как Вас благодарить за все незаслуженные знаки Вашего расположения? Авось жизнь недаром кладет это в мое сердце. Я очень рад; несказанно рад, что мне довелось узнать Вас и на себе испытать благое влияние Вашей очаровательной мягкости. Книги мои, наконец, готовы и сегодня же Вам посылаются. Пожалуйста, проштудируйте все мои силенки и скажите мне Ваше прямое мнение. Силы должны быть, но они как-то нестройно слагаются и крепнут медленно. Я чувствую, что я все шатался до самых «Божедомов». Напишите мне письмо обо мне, ни на волос не щадя меня. Я от Вас с радостью выслушаю самый суровый приговор, ибо я верю, что теперь с критическою вервой один человек – это Вы. Мне Ваши мнения очень дороги, и я Ваше письмо приплету к тому заветному экземпляру, который передам дочери. Напишите спрехвала (по мере чтения) несколько слов в осуждение и в одобрение каждой штуки, которую прочтете. Это будет для меня дорогой подарок. Я ведь, работая восемь лет, еще ни одного слова критики не слышал... Каково это? Писемский (спасибо ему) сетует об этом. Я бы, кажется, воззрился в себя и окреп бы скорее, если бы мне кто-нибудь помог советом и указанием рода моих сил и преимуществ и недостатков моей манеры и приема. Ради бога и любви моей и моей веры в Вас: не читайте моих сочинений без пользы для меня, а напишите в назидание мне критическую статью обо мне. Гр. Данилевский известил меня, что такая статья готовится в «Заре» Страховым, но я жажду Ваших советов, одобрений и порицаний. Будьте ко мне строги как возможно, но пособите мне уразуметь себя и не шататься. Напечатайте эту статью где хотите – хоть у Юрьева, если не в «Русском вестнике», где, впрочем, пора бы обо мне поговорить. Не отказывайтесь, что Вы не критик, – для меня Вы единственный полезный мне критик, и я, как милости слабым силам моим, прошу: поставьте меня к ставцу лицом... Не откажете же Вы мне в этом, если вправду верите, что на мне может лежать некоторая доля литературных надежд? Я доведу до ведома потомства, что я, слепо и зряче веруя в Вас, просил у Вас строгой себе критики, и, может быть, Вас позднейший критик укорит, если Вы мне в этом откажете. Успокойте меня и скажите, что я прочту о себе статью за Вашей подписью.

Теперь еще просьбы: в одном месте найдете в рукописи «Смеха и горя» описание комнаты генерала Перлова. Там у него есть «портрет царя Алексея Михайловича с указом». Припишите, пожалуйста, еще «в углу большой образ святого пророка Илии с обнаженным ножом и с подписью: „Ревнуя поревновах о вседержителе“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.